На правах рукописи

Серов Вадим Валентинович

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРОВ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ В VI ВЕКЕ

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(средние века)

Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Тюмень
2010

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и международных отношений ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный консультант	доктор исторических наук, профессор Степаненко Валерий Павлович
Официальные оппоненты	доктор исторических наук, профессор Бибиков Михаил Вадимович
	доктор исторических наук, профессор Болгов Николай Николаевич
	доктор исторических наук, профессор Еманов Александр Георгиевич
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «15» апреля 2010 г. в 10^{00} часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «14» февраля 2010 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется[1] тем обстоятельством, что затрагиваемая в нём проблематика обнимается важной в фундаментальной науке темой экономической политики Ранней Византии и требует разрешения в силу необходимости дальнейшего развития соответствующего направления в византиноведении, приостановленного пресловутым кризисом методологии в гуманитарных науках[2].

Кроме того, финансовая политика, финансы и всё, что так или иначе связано с этими понятиями, вызывает неизменный интерес вне зависимости от того, о каком историческом времени заходит разговор. Природное любопытство человека толкает его приоткрыть завесу тайны, скрывающую чужие материальные возможности, умение найти или не потерять собственные денежные средства, – словом, узнать как можно больше об искусстве ведения хозяйства, или экономике. Благодаря этому стремлению за тысячелетнюю историю человеческого общества были накоплены не только наблюдения за частным и общественным хозяйствами, но и огромный практический опыт отношений по поводу финансовых средств. Со времён Аристотеля финансы являются также объектом научного анализа[3]. Но лишь сформировавшаяся в Новое время экономическая наука детальнейшим образом препарировала данный предмет, выявила составляющие его элементы и дала им определения, позволив тем самым с полным правом и на научной основе заниматься экономикой как собственно экономистам, так и историкам, в том числе – антиковедам и византинистам.

Несмотря на многовековое исследование её разнообразных составных, экономическая проблематика и сейчас продолжает быть одним из самых привлекательных направлений в исторической науке. В антиковедении (к которому примыкает и византинистика, занимающаяся ранним периодом

---

[1] См. определение понятия «актуальность»: Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М., 2003. – С. 35.

[2] *Сергеев И.П.* К вопросу о трактовке понятия «кризис» в философии и антиковедении // Античный мир. Византия: сб. трудов к 70-летию профессора В.И. Кадеева. – Харьков, 1997. – С. 205—213; *Селиванов В.В.* Кризис методологии в гуманитарных науках // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы международной научной конференции, приуроченной к 80-летию профессора М.С. Кагана. – СПб., 2001. – С. 127—129.

[3] Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т.4. – М., 1983.

истории Византии) давно сложились и не без успеха развиваются такие непосредственно касающиеся экономики темы, как: сельское хозяйство, ремесло, торговля, налоговая система, ценообразование, денежное обращение, а также едва ли не самая популярная в науке тема экономической политики Позднеантичного и Ранневизантийского государства. Учёными накоплены по ним обширные знания, однако важность изучения экономико-исторической тематики и интерес к ней учёного сообщества ничуть не ослабевают из-за множества ещё не решённых проблем. Можно без преувеличения сказать, что достигнутые экономической историей поздней античности и Ранней Византии внушительные результаты порождают потребность в поиске новых тем, разработка которых обеспечит поступательное развитие научного знания, а также в пересмотре прежних, слабо обоснованных выводов и в дальнейшей специализации традиционных исследовательских направлений.

Одной из важных и пока ещё односторонне изученных тем в рамках экономической истории поздней античности является тема финансовой политики ранневизантийских императоров. Нельзя сказать, что проблема деятельного управления финансами в Ранней Византии никогда не затрагивалась в научных работах. Однако и утверждать, что она полностью разрешена, также не представляется возможным. При этом основа для полноценного изучения этого предмета создана как в виде категориального аппарата экономической теории, так и в многочисленных подступах к истории финансов, предпринятых в специальных публикациях по экономической истории Позднего Рима и Византии.

Степень научной разработанности темы. В мировой историографии тема финансовой политики всего периода Ранней Византии, и в том числе – отдельных временных отрезков в нём, – не разработана категориально и концептуально, то есть пребывает на уровне первоначальной постановки проблемы. Словосочетание «финансовая политика» регулярно используется в трудах по истории ранневизантийской экономики и политики, однако его применение имеет мало общего с научным определением этого понятия, данного экономической теорией. В связи с этим не осуществляется детальная и систематическая разработка темы финансовой политики в конкретную эпоху. Вместо этого в специальных работах, так или иначе касающихся означенного предмета, продолжает рассматриваться традиционный круг вопросов, которые поставлены ещё в первоисточниках, и современное

решение которых без опоры на новый метод не создаёт полномасштабного и комплексного представления о деятельности ранневизантийских императорских правительств в сфере финансов и по поводу финансовой составляющей всех направлений имперской политики.

Понятие «финансовая политика» применительно к истории позднеантичного государства впервые появилось у Джорджа Бьёри в его *«Истории Поздней Римской империи»*[4]. По содержанию оно отличалось от понятий типа «финансы» и «финансовое устройство», преимущественно применявшихся тогда в научной литературе по экономической истории, наличием персонального фактора (личности императора), что сообщало известную динамику неподвижной по форме и обезличенной «финансовой системе». Такое понимание финансовой политики, когда описание финансов коррелируется образом императора как инициатора субъективно и объективно обусловленных изменений, нашло своё место в западной историографии, хотя и не способствовало выделению темы финансовой политики в исследовательское направление или отдельную проблему[5].

В отечественной историографии истории античности и Византии использование термина «финансовая политика» (появившегося позже западного аналога) традиционно отличалось преимущественным акцентом на социальном аспекте. Советские исследователи указывали в основном социально-экономические причины изменений в финансовой системе, не останавливаясь подробно на анализе самих этих изменений[6].

В ряде современных работ делалась попытка проанализировать отдельные финансовые мероприятия в рамках политики того или иного императора в связи с исследованием проблем римской истории III—VI вв., но о состоянии финансов, испытавших воздействие подобных мероприятий, при этом не упоминалось, как не выяснялось и место каждого из них в финансовой политике рассматриваемого периода[7].

---

[4] *Bury J.B.* History of the Late Roman Empire. – L., 1923. – Vol. I. – P. 45, 441; Vol. II. – P. 348.

[5] Например: *Gordon C.* Procopius and Justinian’s Financial Policies // Phoenix. – Vol. 13. – 1959. – P. 23—30; *Wassink A.* Inflation and Financial Policy under the Roman Empire to the Price Edict of 301 A.D. // Historia. – Bd. 40. – 1991. – P. 465—493.

[6] Например: *Дьяконов А.П.* Византийские димы и факции (τα< μέρη) в V—VII вв. // ВС. – С. 217; *Селецкий Б.П.* Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90—80-х годов I в. до н.э. // ВДИ. – 1983. – №1. – С. 148—162.

[7] Например, в связи с исследованием внешней политики Поздней Римской империи:

В рамках весьма употребительного в историографии позднеримской и ранневизантийской империи институционного подхода проводились специальные исследования, посвящённые элементам структуры финансового управления, например: императорскому фиску[8], а также органам управления государственным и императорским имуществом[9]. Не случайно поэтому именно структура финансовой организации является одной из наиболее изученных в историографии тем.

Вопросы, сформулированные в ходе изучения финансов Римской империи и Византии, неизменно фигурируют при общих оценках экономической и политической истории всего периода, даже если при этом в них отсутствуют соответствующие разделы[10]. В работах данного рода доминирует ситуационная оценка финансовой деятельности правительства, что само по себе весьма ценно, но недостаточно для воссоздания картины финансовой политики в какой-либо период правления и, тем более, в продолжительную эпоху.

Автором диссертационного сочинения прежде уже была проделана определённая работа по изучению финансовой политики ранневизантийских

Blockley R.C. Subsidies and Diplomacy: Rome and Persia in Late Antiquity // Phoenix. – Vol. 39. – 1985. – P. 62—74; в связи с изучением кризиса III в.: *Дьяков В.Н.* Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // ВДИ. – 1961. – №1. – С. 85; при анализе направлений внутренней политики в период принципата: *Frank T.* An Economic History of Rome. – N.Y., 1962. – P. 388—411; *Смирнова В.К.* Траян и финансы городов Вифинии-Понта // Вестник ЛГУ. Серия история. – 1976. – №8. – С. 140—143; и т.д.

[8] *Ельяшевич В.Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. – СПб., 1910. – С. 17—36; *Millar F.* The Fiscus in the Two First Centuries // JRS. – Vol. 53. – 1963. – P. 30—42; *isdem.* The “Privata” from Diocletian to Theodosius: Documentary Evidence // BAR International Series. – 76. – Oxf., 1980. – P. 125—140.

[9] *Millar F.* The Aerarium and its Officials under the Empire // JRS. – Vol. 54. – 1964. – P. 36—53; *Hendy M.* Mint and Fiscal Administration under Diocletian, his Colleagues and his Successors, A.D. 305—324 // JRS. – Vol. 62. – 1972. – P. 75—82; *Pavis d’Escurac H.* La Prefecture de l’annone: service administratif imperial d’Auguste a Constantin. – Rome, 1976.

[10] *Виппер Р.* Очерки истории Римской империи. – М., 1908; *Шестаков С.П.* Лекции по истории Византии. – Казань, 1915; *Успенский К.Н.* Очерки по истории Византии. Ч. I. – М., 1917; *Ранович А.Р.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. – М.; Л., 1949; *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. – М., 1957; *Vogt J.* The Decline of Rome. The Metamorphosis of Ancient Civilization. – L., 1967; *MacMullen R.* The Roman Government's Response to Crisis A.D. 235—337. – New Haven; L., 1976; *Demandt A.* Die Spätantike. – München, 1989; и др.

императоров IV—V вв.[11]. Однако она ещё далека от завершения и, кроме того, не охватывает огромного – в хронологическом и содержательном отношениях – отрезка истории Ранней Византии, которую принято завершать первой третью VII в. Иначе говоря, до настоящего времени почти неисследованной оставалась финансовая политика императоров VI столетия – наиболее интересной и насыщенной событиями части ранневизантийского периода.

Историография этой темы обладает такими же сущностными характеристиками, что и историография финансовой политики всей поздней античности. Точно так же на первом месте в ней находится изучение финансовых институтов и системы налогообложения. Однако имеются и отличия: в литературе, посвящённой проблемам экономической истории VI в., большее место занимает описание финансовых мероприятий отдельных императоров, в первую очередь – Юстиниана I[12]. Это и не удивительно, поскольку политическая история указанного столетия представлена в нарративных источниках в гораздо большей степени, чем остальная часть ранневизантийского периода. Но, несмотря на такое обстоятельство, историография финансов Ранней Византии до сих пор не знает ни одной публикации о финансовой политике любого императора VI в. (хотя бы даже столь популярного у византинистов Юстиниана), которая была бы подготовлена на основе комплексного анализа данных различных источников и с применением специально разработанной методики.

Так, политики в сфере финансов правительства Юстина I всерьёз коснулась лишь одна научная публикация[13]. Её автор, крупный российский

---

[11] Например, *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). – Барнаул, 2000; Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Часть I: период 364—491 гг. / Перевод, комментарий и примечания В.В. Серова. – Барнаул, 2004.

[12] Например: *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. – М., 1997. – Т. 4. – С. 354—361; *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. II: 518—602 гг. – СПб., 1996. – С. 224—241; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II: De la disparition de l'Empire d'Occident a la mort de Justinien (476—565). – P.; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 419—422, 441—449; *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). – СПб., 1998. С. 224—231; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284—602. A Social, Economic, and Administrative Survey. – Baltimore, 1986. P. 283—285; *Evans J.A.S.* The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. – L.; N.Y., 1996; etc.

[13] *Vasiliev A.A.* Justin the First: An Introduction to the Epoch of the Justinian the Great. –

византинист, вплотную приблизился к тому, чтобы изобразить экономические и финансовые мероприятия периода правления Юстина как целенаправленную политику, основывавшуюся на учёте экономической ситуации и осмысленной методике действий правительства. Впрочем, в книге А. Васильева повествуется не столько о финансах Юстина как таковых, то есть не о балансе доходов и расходов государства и лично императора, сколько о сделанных им расходах из фонда накоплений, созданного усилиями правительства Анастасия I, а также об утрате некоторых прежних источников дохода в казну (например, от торговли).

О финансовой политике Юстиниана I имеется, на первый взгляд, множество публикаций. Действительно, список работ, рассматривающих мероприятия юстиниановского правительства, насчитывает десятки наименований; учёные, писавшие об эпохе Юстиниана, обыкновенно считали своим долгом упомянуть огромные расходы императора, многое изменившие в империи. Однако по сути дела в историографии юстиниановской финансовой деятельности дело не пошло дальше традиционного рассмотрения наиболее известных сведений из произведений Прокопия Кесарийского. Фактически византинистами исследовалась не финансовая политика Юстиниана, а общее состояние финансовой системы страны к концу его правления. При этом не было опубликовано ни одной специальной работы, подготовленной на основе комплексного изучения данных различных источников. Из немалого количества недавних трудов, посвящённых анализу политики Юстиниана I, заслуживают упоминания всего две монографии, тесно связанные между собой идеями, предположениями и выводами[14]. Они построены на интерпретации сюжетов литературных источников и данных эпиграфики и законодательства, то есть предлагают метод более объективной оценки сведений о юстиниановской политике и состоянии экономики страны в правление этого императора. Можно сожалеть, что анализ финансовой политики в этих публикациях вновь остался в стороне, так как их авторы сосредоточились на самой общей характеристике юстиниановского правления, данной с точки зрения населения Византии, психологически подавленного многочисленными природными катаклизмами и считавшего их проявлением божественного

Cambridge (Mass.), 1950.

[14] *Evans.* Op. cit.; *Meier M.* Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. – Göttingen, 2003.

недовольства императорской деятельностью. В итоге, вся современная историография финансовой политики Юстиниана оказывается на поверку весьма скудной и однообразной. Составляющие её работы обладают несомненными достоинствами, которые, однако, проявляются лишь при рассмотрении узких, разрозненных вопросов истории финансов второй трети VI в., и оказываются востребованными только при учёте всего спектра существующих в науке точек зрения.

Историографии финансовой политики «преемников» Юстиниана, в сущности, не существует. В трудах, которые вскользь касались темы византийских финансов при Юстине II, Тиберии и Маврикии, содержится традиционное для западной историографии всего периода Ранней Византии перечисление некоторых императорских деяний, как сокращавших, так и пополнявших государственную казну. Отечественная же историография вовсе обходила стороной историю последней трети VI в.; поверхностное скольжение по отдельным, часто не связывавшимся друг с другом даже с помощью пресловутой теории классовой борьбы фактам, примитивные оценки деятельности правительств преемников Юстиниана, противоречивость высказываний, – суть признаки отсутствия какой бы то ни было точки зрения на послеюстиниановскую эпоху в советской и современной российской исторической науке[15].

Из трёх императоров, взошедших на византийский трон после Юстиниана, больше всего исследовательского внимания уделялось Маврикию: его правлению было посвящено несколько специальных трудов[16], в одном из которых даже присутствует попытка оценить финансовую политику этого императора[17]. Но собранные в нём данные источников не подверглись критическому анализу с применением соответствующей методики. Вместо этого получилось традиционное для историографии описание известных по источникам императорских мероприятий в сфере финансов, так что актуальность написания специального сочинения на тему финансовой политики последних императоров Ранней Византии остаётся по-прежнему нереализованной.

---

[15] Например, *Удальцова З.В.* Внутреннее и внешнее положение империи во второй половине VI—VII в. // История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 354—355.

[16] Например: *Whitby M.* The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simokatta on Persian and Balkan Warfare. – Oxf., 1988; *Shlosser F.* The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. – Athens, 1994.

[17] *Shlosser.* Op. cit. P. 120—129 (глава «Налогообложение и государственный бюджет»).

Таким образом, аналитический обзор ситуации в историографии имперских финансов и финансовой политики императоров VI в. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по теме финансовой политики нет ни одной специальной работы ни в российской, ни в зарубежной византинистике. Во-вторых, статьи и главы монографий, имеющие в названиях слова «финансовая политика», посвящены не анализу этого сложного явления политической истории, а изложению материала, касающегося финансов, близко к тексту первоисточников. В-третьих, попытки более глубокого и всестороннего изучения некоторых аспектов финансовой деятельности императоров VI в. предпринимались в отрыве друг от друга и не привели к соответствующим обобщениям даже в рамках каждого из рассмотренных аспектов. В четвёртых, не была разработана методика изучения имперской финансовой политики, которая позволила бы преодолеть названные историографические упущения.

Цель и задачи исследования. Главная цель диссертационного сочинения сводится к воссозданию на основе новой методики теории и практики финансовой политики ранневизантийских императорских правительств, действовавших под давлением традиционных условностей, многообразных субъективных потребностей и, как принято теперь говорить, объективных вызовов времени. Эта цель достигается последовательным разрешением основной задачи работы – комплексного изучения финансовой политики императоров VI в. по осуществлению экстраординарного имперского бюджета, а также попутно возникающих, но не менее важных частных задач:

- разработка категориального аппарата и принципиально новой методики исследования;
- уточнение временных границ между различными периодами правлений и периодизация финансовой истории VI в. и всей эпохи Ранней Византии;
- определение степени самостоятельности политики таких императоров, как Юстин I, Юстин II и Тиберий Константин в периоды их совместного правления;
- определение степени влияния субъективного фактора на финансовую политику каждого из императоров VI в.;
- выявление направлений расходования государственных и императорских финансовых средств в экстраординарном порядке;

- вычленение из общей массы финансовых мероприятий императоров действий по извлечению дополнительного дохода и всесторонний их анализ;
- подведение баланса экстраординарного бюджета каждого из периодов истории VI-го столетия и характеристика итогов финансового управления каждого из императоров;
- сравнение полученных в каждой главе текста исследовательских результатов между собою и с выбранным в качестве отправной точки правлением императора Анастасия I;
- пересмотр и уточнение частных выводов, имеющихся в современных специальных публикациях, относительно финансовой системы Ранней Византии, характера имперской внутренней и внешней политики, относительно ценности сведений, содержащихся в ряде письменных свидетельств по истории VI в.

Объектом исследования является финансовая политика императорского правительства Византии в VI в.

Предмет изучения – осуществление дополнительного и экстраординарного бюджета в правление императоров от Анастасия I до Маврикия включительно.

Хронологические рамки исследования. Временными границами в диссертационном сочинении избраны годы с 500-х по 602, то есть полностью VI век. Условность этих рамок очевидна, но определять рассматриваемый период более точно не представляется необходимым. По сути дела, сочинением охвачен исторический материал, относящийся к эпохе, которая началась с середины правления императора Анастасия I, когда сформировались методы и принципы его финансовой политики и появились первые результаты их практического воплощения (конец 90-х гг. V в – 500-е гг.), а закончилась мятежом Фоки (602 г.), попытавшегося противопоставить проводимую им как императором политику многому из того, что делали Маврикий и его предшественники, в том числе и в сфере финансов. При определении хронологических рамок работы во внимание принималось и то обстоятельство, что финансовая политика Анастасия I была нами детально изучена в прошлых работах, вследствие чего в настоящее сочинение были привлечены лишь основные выводы из них, отчасти подкорректированные, которые и послужили определённым ориентиром и точкой отсчёта при анализе финансовой деятельности

следующих за Анастасием императоров VI в. Таким образом, нижняя граница исследования определяется достижениями в финансовой сфере Анастасия I, а верхняя граница – концом правления императора Маврикия, после которого наметились изменения в порядке осуществления ранневизантийской финансовой политики.

В историографии ранневизантийской истории VI век являлся хронологическим полем научного исследования весьма часто[18]. Наиболее распространённым обоснованием такого выбора было обилие фактического материала, позволявшего раскрыть практически любую тему детальнейшим образом. Многократное обращение к эпохе VI в. породило историографическую традицию отказа от дополнительного обоснования выбора данного хронологического пространства в качестве временных рамок исследования и – нередко – от уточнения дат, ограничивающих изучаемое явление. В настоящее время VI век признаётся хронологическим отрезком, требующим точной спецификации лишь от объекта исследования. Особенно это относится к таким историческим явлениям, существование и развитие которых выходит за календарные границы VI-го столетия.

Методологическая основа исследования. В качестве методологической основы работы признаётся принцип историзма, предполагающий рассмотрение исторических явлений, событий и процессов в хронологической последовательности и во взаимной связи друг с другом. Системно-сюжетное изложение материала построено с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов, а также междисциплинарного подхода и критического анализа источников и историографии.

Критический анализ специальных трудов по политической и экономической истории Ранней Византии предполагает систематическое привлечение имеющегося фактического материала к решению поставленных задач без опоры на существующие в науке слабо обоснованные гипотезы и теории, но при учёте изложенных в них логических построений и догадок. Историографический фундамент работы составили выводы и положения,

---

[18] Например: *Lamma P.* Richerche sulla storia e la cultura del VI secolo. – Brescia, 1950; *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. – München, 1969; *Roques D.* Procope de Césarée et la Cyrénaique de 6e s. ap. J.C. // Libyan Studies. – Vol. 25. – 1994. – P. 259—264; *Курбатов Г.Л.* Византия в VI столетии. – Л., 1959.

основательность которых прошла проверку с использованием дополнительных исторических данных.

Междисциплинарный подход привлёк к исследованию категории и методы изучения таких неисторических дисциплин, как: экономическая теория, филология, география, медицина, и ряда других, а также некоторых вспомогательных исторических дисциплин, прежде всего археологии и нумизматики.

В целом, при написании диссертационного сочинения применялись теоретико-методологические построения на основе комплексного использования разнообразных методов, подходов и принципов, отвечающих теории объективного исторического познания, применительно к конкретному отрезку времени и конкретному историко-географическому пространству – Византийской империи VI в.

Источниковая база исследования включает исторические источники, которые классифицируются по пяти группам: литературные, законодательные, документальные, археологические и нумизматические.

К *первой группе* относятся:

- произведения ранневизантийских светских историков, как хорошо сохранившиеся (Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Феофилакта Симокатты), так и представленные фрагментарно (Менандра Протиктора, Иоанна Епифанийского);

- произведения церковных историков, также имеющие различную степень сохранности (труды Евагрия Схоластика, Иоанна Эфесского);

- произведения византийской хронографии («Хроники» Иоанна Малалы, Захарии Ритора (Псевдо-Захарии), Феофана Исповедника, фрагменты хроники Иоанна Антиохийского; «Пасхальная хроника»; поздние сирийские хроники), а также арабские и армянские хроники, оказавшиеся доступными в виде цитат из специальных источниковедческих публикаций;

- административные, политические, военные и географические трактаты: к первым принадлежит труд Иоанна Лида «О магистратах Римского народа», ко вторым – анонимные политические трактаты первой половины VI в., а также «Послание» Агапита, к третьим – «Стратегикон» Маврикия и анонимные военные трактаты середины VI в., к четвёртым – «Христианская топография» Косьмы Индикоплова, «География» Страбона и малые географические произведения, написанные в разные эпохи;

- панегирики (Прокопия Газского, Кориппа).

Вторая группа источников – законодательные памятники – представлена, в первую очередь, всеми частями так называемого Свода гражданского права (Дигесты, Кодекс Юстиниана, Новеллы, Эдикты и Институции Юстиниана); кроме того, к исследованию привлекались не вошедшие в Corpus Juris Civilis конституции императоров IV—V вв. и указы, дошедшие до наших дней на папирусах и камне.

Третья группа источников включает в себя документы, сохранившиеся в папирологических собраниях (Каира, Вены, Санкт-Петербурга, Лондона, Берлина), особенно так называемые архивы (Апионов, Исидора), а также эпиграфические материалы из балканских и малоазийских провинций Ранней Византии. Папирологический материал представлен в специальных публикациях музейных коллекций, частично комментированных, тогда как эпиграфика, относящаяся к исследуемой теме, доступна лишь во вторичных источниках, то есть в работах современных авторов по соответствующей тематике.

Археологические памятники и комплексы, составляющие *четвёртую группу* источников, происходят из интенсивно проводящихся в последние десятилетия раскопок, которые базируются в местах расположения ранневизантийских городов и поселений, представлявших собой важные административные или торгово-ремесленные центры, а также узлы оборонительной системы. Археологический материал велик, но не исчерпывающ, так как раскопки охватывают лишь незначительную площадь территории Ранней Византии в границах VI в.

Наконец, *пятая группа* – нумизматические источники – представлены публикациями коллекций ранневизантийских монет, медалей и варварских эмиссий, хранящихся при известных центрах изучения византийской цивилизации и культуры (Вашингтон, Париж, Лондон, Вена, Равенна, Любляна, Санкт-Петербург, Севастополь) и ряде других мест.

Научная новизна диссертации определяется, в первую очередь, тем, что она является первым в зарубежной и отечественной историографии специальным исследованием, в котором собраны и обобщены материалы по избранной теме. Кроме того:

- в работе применена оригинальная методика анализа исторических фактов, прямо или косвенно относящихся к теме исследования;
- впервые при изучении данного периода истории использованы специальные термины, в частности, «экстраординарный бюджет» и «теория

налогообложения», сформулировано понятие «финансовой политики ранневизантийских императоров»;

- впервые дано описание важнейших политических процессов и событий ранневизантийской истории с нетрадиционной точки зрения – сквозь призму финансовых интересов субъектов политического действия;
- показана несостоятельность целого ряда распространённых в науке представлений о сущности и итогах финансовой политики императорских правительств VI в.;
- детально изучены и описаны финансовые мероприятия ранневизантийских правительств, предпринимавшиеся в связи с социальными и политическими событиями, а также проявлениями природной стихии;
- впервые в историографии даны психологические портреты императоров VI в., основанные на методах психологической науки, и показана степень зависимости политики императоров от характеристик их личности;
- произведён приблизительный, но не умозрительный подсчёт дополнительных и экстраординарных расходов и доходов государственных и императорских фондов;
- проведено сравнение принципов, методов и направлений финансовой политики императоров IV—VI вв. и сделан вывод о её преемственности и традиционности вплоть до начала VII в.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на расширенных заседаниях кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета и кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского госуниверситета и рекомендована к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук. Отдельные положения исследования дискутировались на научных встречах с участием ведущих византинистов Уральского государственного университета, Института византинистики Венского университета, Центра византийской истории и цивилизации Сорбонны, Российского центра византинистики Института всеобщей истории РАН в период прохождения автором научной стажировки и реализации исследовательских проектов.

Кроме того, отдельные выводы диссертационного исследования выносились на обсуждение в ходе работы VII, IX, X, XI Сюзюмовских чтений в УрГУ (Екатеринбург, 1994, 1997, 1998, 2003 гг.); XV, XVI, XVII и

XVIII научных сессий византинистов в Барнауле (1998 г.) и Москве (2003, 2004, 2008 гг.); XX Всемирного конгресса византинистов в Париже (2001 г.), международных конференций с участием византологов в Севастополе (2002, 2004 гг.) и Санкт-Петербурге (2000 г.), а также ряда общероссийских и региональных научных форумов по проблемам политической и экономической истории античности и средневековья в Москве, Омске, Томске и Барнауле.

Важнейшие сюжеты работы нашли отражение в публикациях – монографиях, статьях и тезисах докладов – общим объёмом более 50 п.л.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты, развивающие современные представления о политической и экономической истории Ранней Византии, могут быть использованы в образовательных программах высших учебных заведений – при разработке специальных, общих курсов и семинаров по истории поздней античности, Византии и средних веков, а также в процессе дальнейшего научного изучения проблем, связанных с темой финансовой политики.

Структура диссертации. Диссертационное сочинение состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений. Общее количество страниц диссертации 686.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дана характеристика актуальности и степени изученности темы, определены цель и задачи исследования, уточнены методологические подходы и принципы, дано определение основных понятий и терминов.

Основу метода настоящего исследования составляет определение финансовой политики абстрактного государства, данное современной экономической теорией. В соответствии с ним, финансовая политика как публично-правовая деятельность по целенаправленному сбору, распределению и использованию финансовых ресурсов в интересах власти, опирается на административную систему и осуществляется правящей общественной верхушкой на основе имеющегося у неё политического опыта и известных теоретических наработок в экономической, политической и социальной сферах. Применив данное определение к конкретно-историческому материалу, можно получить детальное изображение

финансовой политики в интересующий период истории. В соответствии с ним, финансовая политика Ранней Византии – это, по сути, совокупность разнообразных действий субъекта (императора) по поводу ресурсного обеспечения направлений внутренней и внешней политики, которые должны, по его мнению, осуществляться независимо от того, имеются ли для этого в наличии средства, поставляемые регулярными источниками дохода. Говоря иначе, финансовая политика ранневизантийских императоров была не столько планомерным извлечением денежных средств из обычных источников (налогов и сборов) и расходованием их на ординарные цели (содержание двора, государственного аппарата и армии), сколько изысканием дополнительных доходов для покрытия дополнительных и экстраординарных расходов, необходимость которых возникала вследствие политической активности правительства или объективных обстоятельств.

Благодаря подобной трактовке понятия финансовой политики возникла потребность в привлечении к исследованию дополнительных понятийных категорий, использование которых не противоречит принципу историзма, принятому в работе. Такими понятиями явились «бюджет», «экстраординарный бюджет» и «теория налогов», применённые к ранневизантийскому историческому материалу. Сделанные нами корректировки и уточнения позволили предельно конкретизировать основной предмет диссертационного исследования, которым, таким образом, выступает финансовая политика ранневизантийских императоров по осуществлению экстраординарного имперского бюджета в VI в. Определилось и содержание работы: выявление расходных статей дополнительного и экстраординарного характера, отношение к ним императорского правительства, а также действия власти по изысканию средств, достаточных для осуществления всех желательных или обязательных расходов.

В **первой главе** диссертации **«Основные направления, методы и результаты финансовой деятельности императорской власти к началу VI в. Финансовая политика императора Анастасия I»** суммируется опыт финансовой политики, накопленный верховной властью к концу правления Анастасия Дикора.

В ***§1 «Теоретические разработки в сфере налогообложения»*** рассматривается эволюция теоретических представлений о смысле и практическом предназначении налога в позднеантичных государстве и

обществе до конца V в. и их переосмысление в официальных документах и законодательстве времени правления императора Анастасия.

Многовековая история формирования с неоднократными корректировками основных положений позднеантичной теории налогообложения явилась причиной того, что государственная «теория налогов» состояла по форме из принципов, предложенных обществом; однако правовой контекст, в котором подавался тот или иной принцип, часто свидетельствует о произвольной его трактовке властью в зависимости от субъективных целей, которые преследовала налоговая политика в определённый период времени. Кроме того, большое влияние на официальную теорию могла оказывать активность общества в диалоге с властью о проблемах налогообложения; активность эта, в свою очередь, подпитывалась от таких факторов, как экономическое и политическое состояние государства или частные цели могущественных членов правительства. Иначе говоря, количество и рейтинг принципов актуальной теории налогов могли варьироваться от периода к периоду. Неизменным оставалось лишь содержание каждого из принципов и их логическая взаимозависимость. Эти принципы в самом общем виде таковы. Во-первых, принцип соразмерности налоговой массы и величины дохода налогоплательщика; во-вторых, признание существования своеобразных взаимных обязательств государства и его граждан в деле доходов и расходов; в-третьих, признание традиции и правовых установлений в качестве определенной «меры» налогообложения; в-четвёртых, принцип первичности расходов и вторичности доходов в государстве, то есть построение финансовой деятельности на публично-правовой основе. Важнейшими категориями в системе представлений о правильном налогообложении оставались также «справедливость» и «законность». Они означали, что величина нормы обложения, равно как и действия налоговых органов, должны были основываться на законах, обычаях и устойчивых общественных представлениях о справедливости. Стремление удержаться в рамках подобной «законности» характерно для большинства позднеантичных правительств. Следование принципу законности налогообложения приводило римских и ранневизантийских императоров к решению этически и политически сложного вопроса об экстраординарных повинностях, составляющего немалую часть практической финансовой политики.

Немаловажным для позднеантичной теории налогов следует также считать положение о недоимках.

Каждый император мог воспользоваться сформировавшейся таким образом теорией налогов по своему усмотрению. Однако лишь экономически грамотный, политически осмотрительный и по-настоящему разумный правитель приспосабливал теоретические нормы к актуальной финансовой политике. Таким был и император Анастасий I, разработавший собственные принципы деятельности в сфере финансов. Можно с основанием утверждать, что Анастасий I способствовал развитию налоговой политики Ранней Византии и выработке стереотипов финансового поведения большинства правительств VI в.

В ***§2 «Состояние императорского фиска»*** говорится о развитии императорского имущества в первой половине ранневизантийской эпохи, и выявляются основные модели использования фискальных доходов в императорской финансовой политике.

Главной проблемой фискальной политики было юридическое определение места такого финансового фонда, как личное имущество императора (патримоний), который на протяжении IV—V вв. то включался в состав публично-правовых имуществ (res privatae), то вновь объявлялся одним из самостоятельных учреждений фиска. Пережитки античной государственной идеологии не позволяли ранневизантийским императорам перевести в статус патримониальных прочие фискальные имущества, однако и превратить патримоний окончательно в подразделение государственного имущества они не считали нужным. И здесь, как и во многих других сферах политики, решительное слово произнёс Анастасий I. Созданная в его правление структура (comitiva sacri patrimonii) объединила все виды патримониального имущества под единым руководством, что выразило готовность окончательно обособить императорское хозяйство с его доходами и использовать их в дальнейшем в качестве личного финансового резерва, не обременённого условностями обязательных публичных затрат. Это позволило Анастасию и последующим императорам начать превращение фиска в частноправовое учреждение.

В ***§3 «Дополнительные и экстраординарные расходы»*** даётся перечень наиболее часто практиковавшихся в IV—V вв. видов расходов, требовавших от правительства активизации финансовой политики. Это: 1) военные расходы; 2) расходы вследствие варварских набегов; 3) расходы,

вызванные стихийными бедствиями; 4) затраты на строительство объектов общегосударственного значения; 5) частные расходы императора.

Военные расходы представляли собой дополнительные по отношению к регулярным расходам по обеспечению армии в мирное время казённые затраты при подготовке военных экспедиций и новых полевых армий, проведение переговоров о мире с противником, равным Византийскому государству с точки зрения тогдашней теории международных отношений. *Варварские набеги* выделены как причина дополнительных расходов на том основании, что они происходили, как правило, без связи с войнами и не приводили к новым затратам военного характера. *Расходы из-за стихийных бедствий* представляют собой пример таких экстраординарных расходов, когда экономический ущерб, причинённый человеку природой, невозможно предугадать заранее, до наступления события, а отказаться от финансовой помощи пострадавшим нельзя. *Строительные расходы* становились дополнительными тогда, когда осуществлялась некая строительная программа, предполагавшая создание комплексов общественных, военных или религиозных сооружений. Наконец, ч*астные расходы императора* представляли угрозу казне и бюджету в случаях многократного увеличения обычного объёма затрат на торжества по случаю интронизации, принятия консульского звания, победы над врагом и тому подобных событий, трактуемых властью в пропагандистском смысле.

Ранневизантийские императоры практиковали два варианта отношения к дополнительным расходам: активный и пассивный. Следование первому варианту означало сознательное увеличение расходной части бюджета за счёт некоего резерва, соответствие второму предполагало отсутствие финансовых резервов и необходимость экономии средств. Император Анастасий прославился тем, что стремился придерживаться второго варианта, хотя объективные обстоятельства заставляли его осуществлять дополнительные и экстраординарные затраты по полному списку. Противоположные друг другу, предпочтения императора и реалии повседневной жизни произвели эффект невероятного рационализма в финансовой политике.

В ***§4 «Экстраординарные методы формирования доходной части бюджета»*** приводится список распространённых в Ранней Византии способов пополнения ресурсов, включавший *дополнительное налогообложение* и *экстраординарные источники дохода*.

Особенностью финансовой политики императора Анастасия было то, что он пользовался методикой извлечения дополнительного дохода почти в полном объёме, несмотря на отрицательное отношение большинства населения страны к ней, и получал необходимую ему дополнительную прибыль, не истощая средства подданных и не разрушая государственную экономику. Это достигалось умелым применением теории налогов и сложной системы социальных рычагов и противовесов, отказом от активной внешней политики и некоторыми другими мерами, использование которых обнаруживает в Анастасии I мудрого финансового деятеля и расчётливого политика.

В ***§5 «Мероприятия по сокращению объёма ординарных расходов»*** рассматриваются разработанные финансовой политикой к началу VI в. способы сокращения регулярных государственных расходов в наиболее «затратных» областях – содержании армии и государственной администрации. Позднеантичное государство видело возможность экономии средств в замене натурального снабжения служащих его денежным эквивалентом (адэрация анноны) или, наоборот, в увеличении натуральной доли жалованья чиновников и воинов; в изменении количества участников процедуры сбора налогов; в контроле над финансовыми чиновниками, имевшими возможность умалять доход государства.

К началу VI в. у верховной власти Византии сложилось относительно чёткое понимание того, какие мероприятия и в каких случаях позволяют уменьшить текущие обычные расходы и направить сэкономленные средства в экстраординарный бюджет. На время правления императора Анастасия пришлось практическое завершение начатых ещё во второй половине IV в. реформ, направленных на оптимизацию штата налоговых сборщиков, самой процедуры сбора, и на устранение не обусловленных государственными потребностями потерь при распределении аккумулированной налоговой массы.

В ***§6 «Резюме»*** подводятся итоги и делаются выводы по данной главе. Результатом финансовой политики императора Анастасия, который основывался на позитивном опыте предыдущих императоров, стала разработка универсальной системы финансовых мероприятий, позволяющей Ранневизантийскому государству сохранять экономическую устойчивость в самых сложных политических условиях. Модель финансовой политики Анастасия требовала, однако, от финансового субъекта ограничения личных

амбиций и наряжённого постоянного труда по контролю над факторами, влиявшими на финансы страны. Таким образом, Анастасий I дал образец правильного финансового поведения императорской власти.

Во **второй главе «Финансовая политика Ранней Византии в период правления Юстина I»** поставлены и решены следующие вопросы: об экстраординарном бюджете в правление Юстина Старшего (и особенно – о величине дополнительных казённых затрат, в связи с сообщением Прокопия Кесарийского о непомерных расходах на строительство и роскошь); о действительной величине «наследства Анастасия»; о характере и степени самостоятельности финансовой политики Юстина I.

В ***§1 «Дополнительные и экстраординарные расходы»*** анализируется величина затрат правительства Юстина, список которых дан в книге А.А. Васильева «Юстин Первый».

Всесторонне рассмотрев *расходы, вызванные варварскими вторжениями*, удалось установить, что набеги варваров на территорию Византии не были столь разорительны для экономики государства, как это утверждалось. За период правления Юстина I (518—527 гг.) можно насчитать не более пяти вторжений, достойных упоминания по своим масштабам, при этом большинство из них имело в качестве последствия лишь испуг местного населения. Самый крупный набег – сарацинов во главе с Аламундаром в 527 г. – нанёс материальный ущерб пригородным хозяйствам трёх сирийских городов (Эмесы, Апамеи и Антиохии), от которого те должны были полностью оправиться в течение нескольких ближайших лет. При подсчёте баланса потерь и приобретений от набегов немаловажен и учёт такого обстоятельства, как ответные рейды византийских отрядов вглубь персидской территории за добычей. Они компенсировали финансовые потери византийской стороны.

Дополнительные расходы вследствие войн при Юстине I были тоже незначительны ввиду того, что Византия в его правление почти не воевала: начавшаяся в 527 г. Персидская война фактически относится уже к периоду правления Юстиниана, тем более что начальный её этап был успешным для Византии и сопровождался захватом добычи.

Более крупными являлись *расходы на проведение дипломатических предприятий*. Последние заключались, во-первых, в привлечении на сторону Византии союзников и, во-вторых, в устранении основ политической и военной конфронтации с соседними государствами и с папским престолом в

Риме. Благодаря толковым дипломатам, умело подобранным императором, а также взаимной заинтересованности контрагентов в удачном завершении начатого переговорного процесса, дипломатия Юстина оказалась, в целом, успешной и недорогой в сравнении с общим объёмом государственных расходов.

Финансовые последствия природных катаклизмов можно оценить как более серьёзные. В правление Юстина I источниками зафиксировано несколько землетрясений, среди которых – разрушительное Антиохийское землетрясение 526 г., повлекшее гибель около двух третей населения этого города, что означало утрату для правительства примерно 40% обычных ежегодных налоговых поступлений с территории Антиохии в течение последовавших за катастрофой ряда лет. Вместе с расходами императора на помощь пострадавшим антиохийцам общую величину расходов государства в связи с этим землетрясением можно оценить в 6—7 тысяч условных фунтов золота. Прочие землетрясения привели к гораздо меньшим экстраординарным расходам. Из других упоминаемых в источниках природных катаклизмов заслуживают более или менее серьёзного внимания и финансовой оценки только наводнение в Эдессе и пожары в Антиохии. В целом, если отбросить эмоциональную составляющую донесений литературных источников о природных бедствиях, постигших Византию при Юстине, то вместо неопределённых эпитетов, сопровождавших оценку дополнительных расходов государства по устранению их последствий («большие», «многие» и т.п.), получаем после произведённых расчётов вполне реальную, хотя и приблизительную цифру – 10 тыс. фунтов золота. Этот вид дополнительных затрат, следовательно, являлся одним из самых значительных в правление Юстина I.

На порядок меньшими были *строительные расходы* Юстина Старшего. Детальное рассмотрение списка возведённых сооружений и методов строительства в VI в. убеждает в том, что данные источников об огромных расходах на строительство сильно преувеличены.

Из *прочих дополнительных расходов* правительства Юстина привлекает внимание, пожалуй, только *оплата консульских торжеств Юстиниана* в 521 г. Свидетели зафиксировали точную сумму, которая вдвое превысила установленный в законах максимум в 20 фунтов золота. Нарушение подобного рода, как и вся та шумиха, которая сопровождала вступление императорского племянника в консульскую должность, свидетельствуют о

том, что Юстиниан создавал себе имидж щедрого политика, способного изменять законы в интересах столичного населения. В связи с этим обстоятельством дополнительные расходы из императорской казны, получившие освещение в официозных источниках, в действительности были крупными только в сравнении с обычными расходами частных персон, получивших консульское звание.

Итоговая сумма казённых затрат, произведённых правительством сверх обычных расходов, составила, по нашим подсчётам, приблизительно 25 000 условных фунтов золота.

Сопоставление дополнительных и экстраординарных расходов, осуществлённых в годы правления Юстина I, с величиной так называемого «наследства Анастасия» проведено в ***§2 «Соотношение дополнительных расходов и финансового резерва казны»***. В нём анализируется сведение Прокопия Кесарийского о гигантском золотом запасе, накопленном в казне за годы правления императора Анастасия. Выясняется, что Прокопий обычно преувеличивал цифровые показатели, с помощью которых давалась наглядная оценка различным событиям истории, и которые свидетельствовали против императора Юстиниана. В случае с «анастасиевым наследством» могло иметь место даже десятикратное преувеличение действительного количества аккумулированных финансовых резервов. Но и тогда золота, полученного Юстином I после интронизации, было более чем достаточно для покрытия всех произведённых им дополнительных и экстраординарных расходов, и после смерти этого императора немалая часть резерва досталась новому василевсу – Юстиниану I.

Исследование показало, что ни о каком финансовом кризисе в 20-е гг. VI в. говорить не приходится, тем более что правительство Юстина Старшего не только тратило золотой запас страны, но и получало собственные дополнительные доходы. В ***§3 «Дополнительные доходы государства»*** разбираются данные литературных источников об этой стороне деятельности Юстина. Как удалось выяснить, наличие резерва золота в казне и умеренный характер дополнительных расходов императора способствовали тому, что он отказался от непопулярных источников дополнительного дохода – «сверхобложения», продажи должностей и т.п. Законодательство Юстина I даёт основания полагать, что при нём взыскивались налоговые недоимки, а также, возможно, производилась конфискация имущества настойчиво преследовавшихся неправославных христиан и язычников. Почти полное

отсутствие источниковых данных по этой проблеме говорит в пользу незначительности величины прибыли, полученной Юстином в дополнение к ординарному доходу.

В *§4 «Резюме»* подводятся итоги изучения времени правления Юстина I, делаются выводы о самостоятельности финансовой политики этого императора (что противоречит источниковедческой традиции) и о преемственности – с известными ограничениями – методов Юстина в сфере финансового обеспечения социально-политических мероприятий соответствующим традициям предшествующего периода ранневизантийской истории.

Глава третья «Финансовая политика правительства Юстиниана I» является самой крупной в диссертационном сочинении, что объясняется наличием большого числа сведений самых разных источников о деяниях Юстиниана Великого и, соответственно, необходимостью их переосмысления в свете финансовой политики этого императора.

Глава подразделяется на две части. В **первой части «Войны Юстиниана»** даётся описание правительственных мероприятий, имеющих непосредственное отношение к завоеванию территорий на Западе и обороне византийских земель на Востоке. В соответствии с этим, названная часть состоит из четырёх подразделов, каждый из которых посвящён рассмотрению одной из известных войн.

Западные войны проанализированы в **разделе «Походы на Запад»**, в котором, кроме собственно экспедиций, исследуется материал, касающийся идеологии юстиниановской реконкисты. Спорный вопрос о времени формирования идеи покорения варварского Запада и восстановления Римской империи в границах начала V в. решается в том смысле, что Юстиниан затеял первые свои крупномасштабные заморские экспедиции без предварительной идеологической подготовки, и что одной из побудительных причин тому вполне могла быть финансовая заинтересованность императора в приобретении новых ресурсов, которые субсидировали бы войны на Востоке и стали бы подспорьем в продвижении на Запад.

Здесь же предлагается методика подсчёта дополнительных военных расходов. Походы на Запад должны были организовываться с минимальным дополнительным расходом государственных средств. *Экспедиционная армия* состояла из стратиотов, федератов и симмахов и транспортировалась на судах. Очередной заморский поход обычно не сопровождался новым

рекрутским набором: в экспедиционный корпус откомандировывались вексилляции из уже имевшихся воинских подразделений, что не создавало новых расходов; напротив, симмахи привлекались на службу в силу договора, который заключали император и племенной вождь, и, таким образом, оплачивались дополнительно из расчёта 200—400 фунтов золота в год за один моноэтнический отряд. Создание экспедиционного запаса *вооружения и снаряжения* требовало от государственных финансовых органов не дополнительных расходов, а лишь организационных усилий и времени, так как в распоряжении императора имелся постоянно пополняемый государственный арсенал, из которого производилось снабжение всех византийских армий. Необходимая в условиях автономной военной экспедиции *войсковая казна* была наполнена на 80—90% адэрированной анноной и капитами, а также денежным довольствием воинов и матросов; её создание тоже почти не требовало экстраординарных усилий, так как воинское довольствие обеспечивалось регулярным налогообложением, а «произвольная» часть походного эрария, предназначавшаяся для дипломатических целей, не была значительной. Наконец, формирование *флота*, перевозившего экспедицию: это, по-видимому, была самая затратная статья экспедиционных расходов, поскольку немалую часть сборной флотилии составляли частные суда, а матросскую команду – вольнонаёмные профессионалы. Однако тут император в максимальной мере использовал возможности государственного принуждения. Таким образом, исследование подготовки экспедиции, отправлявшейся на отвоевание западных земель, показывает невысокую стоимость организации и ведения западных войн Юстиниана.

В ***§1 «Вандальская экспедиция»*** производится подсчёт реальных расходов Юстиниана на завоевание Вандальского королевства и предполагаемой военной добычи, привезенной полководцем Велизарием в Константинополь в 534 г. Это было первое предприятие в череде заморских завоевательных походов, и потому оно готовилось очень тщательно и не началось бы без серьёзных видов на успех. Едва ли не главным поводом Вандальской экспедиции явилось рассчитанное императором благоприятное соотношение дополнительных расходов на её подготовку и ожидаемых финансовых и политических выгод от успешного завершения. Расчёт Юстиниана блестяще оправдался: завоевание королевства вандалов стоило византийской казне около 3000 фунтов золота дополнительно к регулярным

расходам на содержание армии, а принесло прибыль в виде королевских сокровищ, оцениваемых в более чем 5000 фунтов золота, и ресурсов богатого североафриканского региона. Положительное сальдо Вандальской экспедиции подкрепило идею реконкисты Запада. Последующие экспедиции проводились по её образцу.

В ***§2 «Остготские экспедиции»*** оценивается стоимость *восьми* известных по источникам военных походов Византии против Остготского королевства и подводится финансовый итог завоевания Италии и Сицилии. Совокупные дополнительные казённые затраты на всю Остготскую войну (535—555 гг.) и совокупная прибыль в виде золота, захваченного у побеждённых остготских королей в 540 и 554 гг. (в абсолютном выражении – это 15 000 фунтов золота против 35 000 соответственно), позволяют вновь констатировать превышение доходной части дополнительного военного бюджета над расходной его частью. Кроме того, доступ византийской армии к природным и производственным италийским ресурсам сокращал регулярные расходы византийской казны на столько, сколько требовалось ежегодно для полного обеспечения находившихся в Италии походной армии и гражданского административного аппарата. При подсчёте финансового баланса Остготской войны необходимо учитывать также дополнительный доход, который время от времени приносили Константинополю налоги, возложенные на население византийских владений на Апеннинском полуострове и на Сицилии. Отсюда вывод: война против Остготского государства была выгодна Юстиниану в политическом и финансовом отношениях, и поэтому её нельзя рассматривать как фактор ослабления Византии.

В ***§3 «Вестготская экспедиция»*** проводится анализ финансовой составляющей испанской политики Юстиниана. Император решился вмешаться во внутренние дела Вестготского королевства, как всегда, твёрдо надеясь на успех и возмещение произведённых авансом дополнительных военных расходов. Как и при подготовке прежних экспедиций, Вестготская не была дорогостоящей и, хотя на этот раз императорская казна не получила добычи в виде королевских сокровищ, обладание Бетикой и контроль над всей средиземноморской торговлей – а именно эти выгоды Юстиниан приобрёл в результате осуществления похода в Испанию – принесли государству дополнительный доход, превысивший все возможные затраты на завоевание и удержание испанских территорий.

В ***§4 «Резюме»*** делаются общие выводы по разделу, посвящённому западным войнам. Изучение относящегося к ним материала позволяет отказаться от распространённых в науке необоснованных положений о чрезвычайной затратности западной политики императора Юстиниана, а также о том, что он руководствовался при её проведении только идеей восстановления былого римского величия. Исследование доказало, что завоевание Запада не только окупало затраты на него, но и приносило империи финансовую прибыль и разнообразные политические дивиденды.

Раздел, названный **«Персидские войны»**, посвящён всестороннему анализу расходов и доходов в связи с иранской политикой Юстиниана. В нём, в общем, ставятся те же вопросы, что и в предыдущем разделе: о степени затратности войн, о политических приоритетах императора, о реальных последствиях событий, сопровождавших войны, для населения и экономики восточных регионов империи.

Раздел начинается с ***§1 «Дипломатия в контексте Персидских войн»***, в котором подсчитываются затраты императора при проведении переговоров, направленных на решение международных проблем, касающихся Византии и Ирана. С лёгкой руки Прокопия Кесарийского в историографии утвердилось мнение о необычайно высокой цене дипломатических акций. Финансовая характеристика восточной дипломатии Юстиниана пересматривается с применением рационалистического подхода: устанавливается список участников переговорного процесса (народы Кавказа и Северного Причерноморья, арабы, иранский шах и эфиопский негус), выявляется максимальное количество дипломатических мероприятий с участием византийской стороны, даётся оценка принесённых даров, выплаченных субсидий и других финансовых потерь и приобретений. Параллельно уточняется характер союзнических отношений с варварами, которые в специальной литературе сплошь именуются византийскими федератами. Между тем, далеко не все соседние восточные народы являлись федератами империи (это относится, в первую очередь, к арабам), так что приходилось выделять из бюджета деньги для того, чтобы поддерживать с ними военный союз и оплачивать участие в войнах против Ирана симмахов. За время Персидских войн (527—562 гг.) византийские симмахи из числа *сарацинов*, *гуннов*, *герулов* и других народов, заключивших договор энспондии с Юстинианом, получили вместе несколько тысяч фунтов золота, что не представляется тяжёлым бременем для государственной казны. Гораздо

более серьёзных расходов потребовал от Византии переговорный процесс с самым главным дипломатическим контрагентом на Востоке – Ираном. За время правления Юстиниана I Византия заключила с ним не менее пяти договоров о мире или перемирии (532, 545, 551, 556, 561 гг.); почти все они сопровождались материальными потерями для неё, в частности, выплатами противной стороне субсидий и контрибуций. В целом, отмеченные в источниках и критически рассмотренные издержки при осуществлении юстиниановской дипломатии на Востоке можно оценить приблизительно в 15 000 фунтов золота.

В ***§2 «Строительство военных объектов»*** говорится о затратах, понесённых казной при возведении стратегических сооружений. Перечисленные в источниках укрепления, восстановленные или вновь отстроенные в правление императора Юстиниана, в общем немалочисленны. Однако впечатление о том, что на них были потрачены громадные суммы денег, исчезает после ближайшего знакомства с технологией строительных работ того времени. Усиление уже имевшихся укреплений часто достигалось посредством простой замены менее прочного материала стен на более прочный, то есть возведение оборонных объектов представляло собой, по сути дела, увеличение массы обработанного камня – известняка или, реже, туфа. Каменное сырьё добывалось на месте или недалеко от места работ, так как регионы наиболее интенсивного строительства – Евфратизия, Армения, Северная Месопотамия и Северная Сирия – обладали нужным камнем в избытке. Кроме того, нормой в ранневизантийскую эпоху было использование строительного материала прежних построек, разрушенных временем или ставших бесполезными. При такой технологии труд типичного строителя крепостных стен не предполагал высокой квалификации, поэтому для работ на пограничных укреплениях привлекались как жители окрестных селений, так и рядовые воины, возводившие в безлюдной местности защиту в первую очередь для себя. За деньги нанималась лишь работники, чей труд предполагал узкую специализацию. Стимулом для строительной активности местных жителей являлся страх перед ожидаемым варварским набегом; весьма возможной также была замена строительными работами иных публичных повинностей (например, постоя тех воинов, для которых создавалось укрепление). В отдельных случаях, когда для отделки требовался мрамор или ценные породы дерева, применялись привозное сырьё и наёмный труд высокопрофессиональных инженеров, резчиков и кузнецов; расходы

того, кто оплачивал всё строительство, соответственно, заметно увеличивались. Но такие примеры были крайне редкими, так что даже словоохотливый историк Прокопий приводит их не более пяти для всего Востока. Таким образом, строительство в восточных провинциях было исключительно функциональным, и потому предполагало отказ от необоснованных финансовых затрат. Учитывая вышеизложенное, можно оценить дополнительные расходы на военно-стратегическое строительство в восточных провинциях как малые.

В ***§3 «Боевые действия сквозь призму финансов»*** рассматриваются непосредственные военные потери и добыча византийских армий. В ходе *Первой Персидской войны* (527—532 гг.) походная восточная группировка не была численно увеличена, но подверглась структурным преобразованиям, позволившим сконцентрировать военную силу и добиться нескольких небольших, но важных побед над персами. Реформирование армии денег не стоило, победы доставляли воинам добычу и поднимали боевой дух; зато поражения византийцев (особенно в битве при Каллинике) наносили удар по регулярному военному бюджету, заставляя тратить казённые средства на пополнение численного состава армии и утраченное вооружение дополнительно. В целом, рассмотрение финансовых итогов Первой Персидской войны приводит к выводу о том, что она принесла Византии умеренные финансовые потери.

Во *Вторую Персидскую войну* (540—561 гг.) собственно византийская территория оказалась непосредственно затронута боевыми действиями лишь с 540 по 544 гг.; остальное время было занято перемириями или военными действиями за пределами экономически значимых земель Византии – в Колхиде, в Сирийской пустыне и на Аравийском полуострове, благодаря чему ущерб от этой войны оказался значительно меньшим, чем кажется на первый взгляд. Юстиниановская методика финансирования войны, позволявшая сократить дополнительные расходы посредством переноса театра действий на территорию противника, привлечения сил многочисленных союзников и перегруппировкой войск и ресурсов, обеспечила минимальные затраты и в этот период.

В ***§4 «Финансовые итоги вражеских вторжений»*** определяется величина ущерба, причинённого экономике восточных провинций походами иранского шаха и союзных ему арабов. Ущерб слагался, во-первых, из потерь казны, вызванных ограблением податного византийского населения и

убылью налогоплательщиков; во-вторых, из уступок со стороны казны, которая перераспределяла налоговое бремя пострадавших земель, иногда кассируя местные недоимки; в-третьих, правительство изредка оказывало прямую финансовую поддержку пострадавшим общинам и отдельным категориям землевладельцев.

В опустошении ромейской земли упражнялись, кроме «персов», в основном арабы и гунны. Впрочем, крупные набеги не были частым явлением; многие нападения противника отражались, и грабёж предотвращался. Подлинно серьёзный ущерб византийским финансам нанесли два или три крупных вторжения гуннов-сабиров и сарацин-лахмидов, а также первый из четырёх известных поход шаха Хосрова в Сирию и Месопотамию (540 г.). Арифметическая сумма потерь от вражеских набегов в ходе Персидских войн Юстиниана составляет около 4000 условных фунтов золота.

В ***§5 «Резюме»*** говорится о том, что в итоговом балансе затрат Византии на Персидские войны 20—50-х гг. VI в. расходная часть оказывается превосходящей возможные доходы от этой войны. Однако значительного превышения расходов над доходами в экстраординарном бюджете не произошло. Сумма всех видов дополнительных военных потерь (150—200 кентинариев) вполне сравнима с аналогичными затратами на западные экспедиции. При этом Запад приносил больше прибыли, чем византийская казна тратила на его завоевание; кое-какие доходы случались и на Востоке. Излишки западного военного бюджета и компенсационные прибыли от ведения войны на Востоке в немалой степени нивелировали дополнительные траты правительства в Персидской войне. Поэтому признанный тезис о разорительности для государства этих войн Юстиниана также следует опровергнуть как недоказуемый.

Вторая часть третьей главы – «**Финансовая политика в гражданской сфере» –** позволяет ответить на вопрос об эффективности методики управления Юстиниана финансами империи в условиях как относительного экономического благополучия, так и в тяжёлые для финансов времена, наступившие в 40-е гг.

В ***§1 «Дополнительные расходы юстиниановского правительства»*** рассматриваются вопросы: финансирование *сооружений религиозного и гражданского назначения*; *финансовые последствия природных катаклизмов*; *финансовые последствия восстаний*.

По первому вопросу выясняется, что «безумно дорогое» строительство Юстиниана – идеологический миф, возникновению которого способствовало произведение Прокопия «О постройках», официальные заявления правительства и человеческая склонность верить в басни и создавать кумиров. Император действительно организовал строительство разнообразных объектов по всей стране, имея для этого не столько идеологическое, сколько экономическое обоснование, и – временами – настоятельную политическую потребность. Он на самом деле потратил на это много денег и иных средств, государственных, своих и чужих. Но строительные расходы Юстиниана не стали чрезмерными и не подорвали финансовое благосостояние империи потому, что император не воплощал в жизнь грандиозных строительных программ: действительность заставляла его строить не то, что он желал бы видеть построенным, но, по преимуществу, лишь то, чего требовала внутренняя и внешняя политическая обстановка. Кроме того, позднеантичное государство выработало такой механизм финансирования гражданских строительных работ, который позволял свести государственные расходы к минимуму. Юстиниан и его строители использовали все соответствующие наработки в этой сфере. Ни один из объектов, упомянутых Прокопием, не был возведён от начала до конца на деньги императора или государственных фондов.

По второму вопросу установлено, что вопреки распространённому мнению, природные катаклизмы, за редким исключением, не причиняли государственным и императорским финансам ощутимого вреда. Финансовые трудности сводились на нет с течением времени, посредством локальных усилий. Общегосударственные масштабы могло иметь только такое природное бедствие, как чума. Однако в той демографической среде и при том уровне развития производительных сил, какие имелись в Византии в середине VI в., эффект его воздействия на государственную экономику был гораздо слабее, чем в средневековых европейских странах. Наибольшие дополнительные затраты в связи с последствиями природных катастроф правительство претерпело в годы, последовавшие за крупнейшими землетрясениями в Константинополе и массовой смертностью из-за чумы. Это приблизительно 542—545 и 558—561 гг. Тогда казна недополучила в виде налогов и различных сборов сумму, эквивалентную затратам в связи с обширными вражескими вторжениями.

По третьему вопросу определено, что экстраординарные расходы, вызванные последствиями наиболее крупных восстаний – «Ника» 532 г. и самаритян 529—530 гг., были большими в сравнении с целым рядом других дополнительных затрат. Это, а также близкое хронологическое соседство рассмотренных народных выступлений вместе должны были ухудшить финансовое состояние Византийского государства в период приблизительно с 530 по 537 гг., когда Палестина Первая не приносила обычного дохода, а в Константинополе быстрыми темпами возводились разрушенные бунтовщиками правительственные и религиозные здания. Но власти успешно разрешили проблемы, созданные последствиями обоих названных восстаний, за счёт как имевшихся в его распоряжении резервов, так и средств, полученных извне за тот же период времени.

В *«Резюме»* к этому параграфу подчёркивается, что дополнительные и экстраординарные расходы в гражданской сфере досаждали правительству Юстиниана I в течение почти всего времени его правления. Казна, в общем, без труда справлялась с некоторыми их видами, но отдельные направления экстраординарного финансирования оказались для неё необычайно обременительными: это последствия эпидемий около середины 40-х и конца 50-х гг., поспешное строительство и восстановление строительных объектов в системе обороны и в разрушенных городах в 40-е – 50-е гг., и вред, нанесённый экономике восточных областей социальными и религиозными движениями 20-х – 40-х гг. Однако не следует полагать, что финансовая ситуация в стране была перманентно критической, и даже в наиболее сложные для казённых фондов периоды Юстиниан не пытался решать финансовые проблемы преимущественно экстраординарными способами.

Проблеме восполнения срочно затраченных государственных средств посвящён ***§2 «Извлечение дополнительного дохода»***. В работе предлагается оригинальный способ верификации переданных литературными источниками фактов использования юстиниановской администрацией экстраординарных мер получения дохода, который состоит в выявлении кризисных для финансовой системы империи периодов, отмеченных большими дополнительными издержками, и в последующем соотнесении выявленных отрезков времени с датами тех правительственных мероприятий, которые показывают императорскую озабоченность финансовой недостаточностью. Тем самым точно устанавливаются не только факты превышения расходной части бюджета над доходной его частью, но и перечень чрезвычайных

способов получения прибыли. Прояснению реальной картины финансовых действий правительства помогает также описание принципов, на которых строилась его политика в налоговой сфере, а равно и психологический портрет императора, позволяющий увидеть личные наклонности и предпочтения, наверняка влиявшие на его финансовую политику.

В соответствии с этим **раздел 1 «Субъективные факторы политики по извлечению дохода»** в составе указанного параграфа включает в себя исследование *официальной теории налогов в правление Юстиниана*, а также *характеристику личности Юстиниана*.

При проведении налоговой политики правительство Юстиниана пользовалось почти всеми известными положениями общественной «теории налогов», хотя не всегда толковало их в смысле, который был бы угоден большинству. В основании его финансовой политики лежали принципы правильной хозяйственной деятельности; формально она проводилась в интересах государства и общества, но непредвиденные или неучтённые обстоятельства заставляли императора нарушать баланс общественных и государственных интересов в пользу последних. Сказанное делает понятным сосуществование при Юстиниане таких противоположных явлений, как несоответствие теории и практики налогообложения, а также применение непопулярных финансовых мер и отказ от них через некоторое время.

Исследователи называют главной отличительной чертой деятельности Юстиниана непоследовательность. Подобный вывод, основанный на данных источников, верен лишь отчасти, ибо старается объединить максимальное количество порой противоречивых сведений о личности Юстиниана. В соответствии с ними, он получался принадлежащим одновременно к нескольким противоположным психологическим типам с взаимоисключающими свойствами. Теоретически такое явление может существовать, но в действительности – едва ли: несмотря на известные противоречия, свойственные всякому нормальному человеку, Юстиниан всё же был целостной натурой, с определёнными представлениями о жизни и поведенческими модусами; иначе он не удержался бы у власти столь долго и не сделал бы того, что ему приписывается. Для характеристики его личности наиболее подходит тип интуитивно-логического интроверта. Основываясь на этом соционическом типе Юстиниана I, можно с большой степенью вероятности предполагать обоснованность принятых им решений, касающихся сферы финансов Византии. В большинстве известных нам

случаев император руководствовался не тщеславием, не сиюминутными порывами или жадностью, в которых его обвинял Прокопий, а разумом, осторожностью и стремлением достичь поставленной самому себе высокой государственной задачи.

В **разделе 2 «Формы дополнительного и чрезвычайного дохода»** анализируются сообщения источников о способах извлечения дополнительного дохода, и даётся приблизительная оценка его размеров.

Дополнительные налоги. Формально-юридически император выражал негативное отношение к чрезвычайному обременению, поддерживая тем самым общественную точку зрения. На практике же провинциальная администрация, постоянно получая циркуляры с высочайшими требованиями выполнять налоговые предписания, могла в отдельные годы собирать налогов больше обычной нормы (как в случае с аэриконом), мотивируя это борьбой с недоимками. Император журил чиновников, но особенно подобной практике не препятствовал, – разумеется, если она не переходила в разряд угрожающих опасными последствиями. В этом смысле некоторые из сообщений Прокопия Кесарийского (о синонэ, об аэриконе и эпиболе) заслуживают известной доли доверия. Однако такое применение дополнительного налогообложения не было вызвано какими-то конкретными событиями, имевшими неблагоприятные финансовые последствия, и потому не относится к сфере экстраординарной финансовой политики.

Государственные монополии. Понимая в данном случае под монополями право назначения произвольной цены на товар, мы причисляем к государственным монополиям, введённым в правление Юстиниана, только монополию на продажу шёлковых тканей. Все остальные «монополии», перечисляемые в «Тайной истории» Прокопия, следует относить к частной инициативе лиц, облечённых властью, и, значит, не считать государственными. Кроме того, так называемые монополии на необходимые продукты должны были иметь непродолжительный срок существования. Долговременной высокая монопольная цена могла быть лишь на вещи, относящиеся к категории роскоши (каковыми и были шёлковые ткани). Вышесказанное означает, что монополии Юстиниана не доставили ни императорской, ни государственной казне того «обогащения», о котором сообщает Прокопий Кесарийский.

Таможенные пошлины. Реформирование системы таможенной службы было направлено не столько на увеличение соответствующих сборов,

сколько на достижение иных целей, например, усиление государственного присутствия в важнейших пунктах движения импорта и экспорта, или на упорядочение механизма таможенного досмотра в годы, когда происходил рост цен, и процветала контрабанда особо популярных товаров.

Продажа должностей. Слова Прокопия и других авторов о торговле государственными должностями находят подтверждение в законодательных источниках времени Юстиниана. Император, таким образом, совершал запрещённое им же самим и порицаемое общественным мнением деяние, доставлявшее лично ему некоторые денежные суммы. В этом он не был уникален, поскольку его предшественники (и в их числе Анастасий) действовали так же. Ведя борьбу с покупкой должностей провинциальной администрации, Юстиниан добивался того, чтобы сохранялась налогооблагаемая база и не образовывались недоимки. Допуская же иногда суффрагий за чиновничье место, император шёл на некоторое сокращение регулярного дохода государства, но при этом получал небольшую личную финансовую выгоду, которая в некоторых случаях была нужнее государству, чем объём регулярного дохода. Продажа Юстинианом должностей свидетельствует о том, что этот император был способен применять разнообразные методы финансовой политики. Данная мера, изредка применявшаяся в продолжение всего его правления, не может служить доказательством того, что Юстиниан допускал серьёзные финансовые просчёты, которые потребовали бы использования комплекса мер чрезвычайного управления.

Огосударствление общественных средств. Юстиниан постепенно прибрал к своим рукам важнейшие фонды городов империи, ставшие отныне фактически частью государственного имущества, несмотря на то, что к распоряжению ими ещё допускались «лучшие» граждане каждого города и местный епископ.

Конфискации. В период правления Юстиниана конфискации практиковались небезосновательно с точки зрения теории централизованного государства и византийской монархии. Сопровождавшиеся конфискацией политические акции правительства должны рассматриваться в контексте финансовой политики Юстиниана как, в первую очередь, одно из средств создания резерва в казне, а не как самоцель жадного василевса. Его обширное законодательство создавало основу для постоянного привлечения в фиск имущества осуждённых, но это был легальный процесс, на

интенсивность которого не могла влиять финансовая и экономическая ситуация в стране. Факты экспроприации по действительно подложным обвинениям, напротив, были крайне редки, хотя именно они свидетельствуют о сугубо фискальной заинтересованности правительства в период около середины 40-х гг.

Манипуляции с монетой. В денежной реформе Юстиниана обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, отсутствие сугубо финансовой заинтересованности императора в её результатах и, во-вторых, выбор времени завершения манипуляций с весом монет: середина 40-х гг., когда финансовая подоплёка, казалось бы, должна была стать главной побудительной причиной новых шагов верховной власти на пути совершенствования сферы денежного обращения и, одновременно, вызвать попытки компенсировать излишние имперские расходы за счёт испытанного в поздней античности средства, каким было уменьшение веса золотых монет. Эти отличительные черты юстиниановской реформы показывают, что манипуляции с монетой были нацелены на достижение не столько финансового, сколько микроэкономического эффекта, и приносили императорской казне начиная с конца 30-х гг. VI в., возможно, регулярную, но отнюдь не крупную дополнительную прибыль, размер которой не зависел от величины экстраординарных расходов в тот или иной промежуток времени.

В ***§3 «Резюме»*** подводятся итоги исследованию деятельности юстиниановского правительства в сфере дополнительных доходов. Рассмотренные мероприятия свидетельствуют о том, что Юстиниан I не пренебрегал самыми разнообразными источниками доходов, чему, однако, не следует придавать того значения, которое традиционно придавалось в специальных работах до сих пор: что правительство будто бы занималось исключительно поиском дополнительных средств. Император Юстиниан, в силу своего характера проводивший многостороннюю и почти всегда активную политику, не только заботился о финансовом обеспечении текущих и будущих политических мероприятий, но и совершенствовал теоретическую и практическую составляющие собственно финансовой политики. Вопреки распространённому мнению, Юстиниан не совершал необдуманных поступков, влекущих неблагоприятные финансовые последствия; он умел рассчитать и возможные убытки, и ожидаемую прибыль от своих акций.

Умел Юстиниан и экономить, и использовать наличную ситуацию для проведения наиболее адекватных ей финансовых мер.

Глава четвёртая «Финансовая политика в правление императора Юстина II» посвящена некоторым проблемам так называемого послеюстиниановского периода в истории Ранней Византии, который олицетворяла фигура последнего из достигших престола кровных родственников Юстиниана – Юстина Младшего. В историографии этого периода бытует представление о широкомасштабном кризисе, наступившем в конце правления Юстиниана и развернувшемся при Юстине II. Кризисная ситуация в экономике якобы дезорганизовала внутреннюю и внешнюю политику империи и привела, в конечном счёте, к краху позднеантичной государственной системы в VII в. В диссертации предпринимаются попытки доказать, что такое представление неверно.

В ***§1 «Теоретические основы финансовой политики Юстина II. Вопрос о финансовом кризисе в начале его правления»*** решаются два сложных вопроса: о личности императора и о влиянии его личности на проводимую им финансовую политику.

Современные Юстину нелицеприятные авторы порицали его за жадность. В этом Юстин II был похож на императора Анастасия I. Но последний не только экономил, но и осуществлял крупные расходы в публичных интересах. Нельзя сказать, что Юстин копировал методы финансовой деятельности Анастасия, однако совершенно очевидно, что два этих императора имеют немало сходств как личного свойства, так и в государственной деятельности. По крайней мере, заявления Юстина II о намерениях в сфере финансовой политики весьма напоминают принципы Анастасия, декларированные им в конституциях.

Можно констатировать такие принципы финансовой политики Юстина Младшего, как приверженность справедливости, а также соблюдение бюджетного баланса на основе экономии при осуществлении необходимых дополнительных расходов. Анализ законов Юстина показывает, что предложенные им решения финансовых проблем и выбор приоритетных направлений финансовой политики являлись продуманными и реалистичными по сути. Он учёл недоработки последних правительств Юстиниана, реальное состояние финансов империи (которое, как выясняется, не было плачевным) и разработал план мероприятий, способствующих

заживлению социальных и экономических язв и решению насущных проблем внешней политики.

Далее выясняется соотношение затрат и прибылей в экстраординарном бюджете Византии в период его правления.

В *§2 «Дополнительные расходы»* выявляется состав и объём расходных статей. По единогласному мнению древних авторов и современных исследователей, главной расходной статьёй в бюджете Юстина II были военные расходы. Император понимал, что обороноспособность страны нуждается в усилении после многолетних завоевательных войн. По мере возможности он направлял средства на укрепление пограничной линии обороны и пополнение приграничных воинских частей. Однако главным из всех возможных средств улучшения ситуации в военной сфере новый император избрал дипломатию.

В **1 разделе «Расходы при проведении дипломатических мероприятий»** рассматриваются международные контакты византийского правительства со старыми и новыми контрагентами.

К числу последних относились, например, *авары*. Взаимоотношения императора с аварским каганом прошли целую эволюцию, завершившуюся войной и последующим признанием Византией Аварского каганата. Общие дополнительные расходы по статье «аварское направление» составили за период правления Юстина II около 1500 фунтов золота.

Лангобарды во второй половине 60-х гг. отняли у Византии большую часть Италийской префектуры с относящимися к ней доходами. При этом отдельные лангобардские герцоги продолжали служить императору на правах симмахов, участвуя в военных походах за пределами Италии. Такое раздробление лангобардских сил не позволило варварам захватить Апеннинский полуостров полностью. Дипломатия Юстина отчасти компенсировала его отказ от активной военной политики в Италии.

Переговоры с Ираном также имели целью перейти в отношениях с шахами от войны к миру, однако целью переговорного процесса здесь Юстин II сделал достижение не равновесия двух сторон, а победы над противником. Эта тактика оказалась проигрышной, и Византии пришлось заплатить за политический просчёт императора только дипломатических расходов более чем 3000 фунтов золота.

Не вполне удачно развивал Юстин II дипломатические отношения и с *тюрками*, и с *арабами*, и с другими субъектами международных связей,

знакомыми византийцам в прошлом. Юстин вполне обоснованно стремился к сокращению прямых военных расходов и отказу от прижившейся при прежних императорах практики субсидий, казавшейся ему неэкономной. Но выбор императором дипломатии как средства сокращения экстраординарных расходов оказался ошибочным не только из-за неоправданно завышенных имперских амбиций, но и в силу объективно сложившейся расстановки международных сил, неблагоприятной для Византии. Это стоило казне огромных дополнительных затрат на войну, которые, впрочем, служат косвенным подтверждением того, что Юстин II не испытывал недостатка в финансовых средствах.

Во **2 разделе «Дополнительные затраты на ведение войн»** предпринимается анализ военных действий, которые вела Византия при Юстине, и даётся их финансовая оценка.

Персидская война Юстина II, продолжавшаяся почти всё время его правления, обошлась византийским финансам приблизительно в 100 условных кентинариев. Не менее затяжная *Аварская война* стоила на порядок меньше. Остальные театры боевых действий – в Италии, Испании и Африке – не привлекли крупных дополнительных затрат.

В следующем, **3 разделе «Материальный ущерб от варварских набегов»** отмечается сохранение интенсивности как небольших, так и разорительных вторжений варварских племён (арабов, славян и гуннов) на византийскую территорию. Как и прежде, опустошительными были лишь один-два набега за десятилетие. Это позволяло провинциям залечивать нанесённые ими раны и восстанавливать свою экономику. Самым тяжёлым явилось вторжение славян на Балканы в 578 г. Из-за него, вероятно, этот регион не додал в казну префекта претория Иллирика несколько сот фунтов золота регулярных налоговых сборов. В целом же, варварские набеги не привели в правление Юстина II к заметным финансовым потерям.

Раздел 4 «Дополнительные расходы на строительство» позволяет согласиться с преобладающим в историографии положением о разнообразном и весьма обширном строительстве, которое велось в империи при Юстине II, но корректирует его указанием на незначительность отпускавшихся на него казённых денег, а также замечанием о сохранении старых форм и методов строительной деятельности правительства, в которых упор делался на частные средства и ресурсы местной церкви.

В **разделе 5 «Стихийные бедствия»** доказывается, что в экстраординарном бюджете Юстина II не было соответствующей расходной статьи.

Раздел 6 показывает объём **дополнительных расходов в связи с интронизацией** как самого Юстина II, так и его соправителя Тиберия Константина. Император Юстин подошёл к этому вопросу исключительно рационально, с позиций существовавшей традиции, сумев уложиться в минимальную сумму в 20 кентинариев, которые были поделены им на подарки по случаю интронизации и на раздачи при назначении его консулом.

Сравнение полученных при изучении дополнительных расходов правительства Юстина II результатов с итогами предшествующих правлений показывает, что Юстин был не столь скупым, как его представляли себе современники: он тратил на необходимые власти дела и вещи не менее, чем большинство прочих императоров. Уменьшение расходов при нём происходило за счёт сокращения направлений дополнительных затрат – свёртывания имперских программ вроде заморских походов и пропаганды персональной власти василевса.

В ***§3 «Дополнительные доходы»*** также имеется несколько **разделов**, соответствующих важнейшим источникам восполнения бюджета после понесённых им дополнительных и экстраординарных затрат.

Раздел 1 «Добыча в Персидской войне» показывает, что немалые издержки в войне Юстина с шахом Хосровом I несколько окупались благодаря захваченным византийскими войсками на персидской территории материальным ценностям. Соотношение стоимостей, однако, было не в пользу добычи.

В **разделе 2 «Приобретение новых территорий»** исследовалась возможная прибыль казны от вхождения в состав империи части Персармении, а также Ивирии и Свании. Установлено, что Византия получала от этих земель непостоянный и, в целом, незначительный доход из-за непрочности византийской власти в них. Так, оккупация Свании дала Юстину материальную выгоду единственный раз – когда сванский царь был захвачен и вместе с казной доставлен в Константинополь военным магистром Романом; ресурсы перешедшей на сторону императора богатой Персидской Армении почти не использовались в регулярном порядке вследствие присутствия на большей части её территории шахской армии, так что

получаемый здесь византийцами доход представлял собой скорее военную добычу, изредка отнимавшуюся у персов.

В **разделе 3 «Случайные финансовые приобретения»** рассматривается достоверность сведений источников о полученных без каких-либо особых усилий с византийской стороны немалых богатствах, принадлежавших не подданным императора. Наиболее достоверны сведения об обретении императорской казной в 573 г. сокровищ лангобардского короля Альбоина; меньшее доверие вызывают данные о казне гепидского короля Кунимунда; и совсем уж невероятной выглядит история с обнаруженным в императорском дворце кладом, который достался кесарю Тиберию за его благочестие и помощь бедным. Анализ сопровождающей эти данные источниковедческой информации, а также объективных политических обстоятельств показывает, что Юстин вполне мог получить неожиданно для себя весьма крупную сумму в варварских золоте, серебре и драгоценностях, доставленных в императорскую казну благодаря случаю. К сожалению, её величину установить невозможно.

Наконец, в **разделе 4 «Прочие доходы экстраординарного характера»** рассматривается возможность использования Юстином известных непопулярных мер по извлечению дохода. Выясняется, что его правительство время от времени обращалось к таким источникам неординарного пополнения казны, как конфискация и продажа гражданских и церковных должностей. Прибыль от таких мероприятий не была большой, так как в противном случае источники шумно зафиксировали бы её размер. Но иногда изъятое в фиск по законным основаниям имущество частных лиц выражалось многими сотнями фунтов золота (например, выморочное имущество покорителя Италии евнуха Нарсеса).

В ***§4 «Резюме»*** обобщаются результаты анализа финансовой политики Юстина II. Несмотря на недостатки, её можно признать скорее эффективной, чем провальной. Император отказался от финансирования многих былых начинаний, пересмотрел юстиниановские методы внешней политики и начал по-новому структурировать финансовые потоки, замыкавшиеся на государственной казне и императорском фиске. По сути дела, им была предпринята попытка продолжить реформу перераспределения бюджетных ресурсов, которую активизировал в своё время Анастасий I. И потому вполне закономерным итогом деятельности Юстина II явилось создание резерва в казне, которым воспользовался его соправитель и преемник Тиберий.

В последней, **5 главе «Финансовая политика императора Маврикия»** проведено исследование финансов и финансовой политики последнего в рассматриваемом столетии императора, а также детальное сравнение её с политикой первого из императоров VI в. – Анастасия.

В ***§1 «Теоретические основы финансовой политики императора Маврикия»*** доказывается, что Маврикий пользовался в теории и практике финансов наработками императоров-предшественников, отбирая для себя образцы, по его мнению, наиболее подходящие с точки зрения социальной справедливости. Как удалось обнаружить, Маврикию наиболее близка была финансовая политика, проводившаяся императорами Юстинианом I, Юстином II и Тиберием Константином, хотя в теоретическом оформлении своей финансовой деятельности он мог использовать декларации на эту тему и более ранних императоров.

Маврикий обладал собственной концепцией финансовой политики, которую он считал правильной, так как она основывалась на известных общественных представлениях и на осмысленных им итогах деятельности прошлых правительств. Стремясь придерживаться созданного им идеала при решении текущих финансовых задач, он обратился к созданию в государственной казне финансового резерва, не прибегая к мерам экстраординарного порядка. Политика разумной экономии сближает финансовую политику Маврикия наиболее тесно с Анастасием I.

В ***§2 «Состояние императорского фиска в последней трети VI в.»*** проводится сравнение фискальной политики начального и конечного периодов указанного столетия. Главная тенденция этой политики заключалась в неуклонном повышении значения частноправовой составляющей фиска. Из прежних, необычайно разросшихся фискальных и общегосударственных структур (res privatae, arca praefectoriana) императоры, начиная с Анастасия, выделяли и обособляли всё то, что составляло личное или частное императорское имущество. К началу VII в. все виды императорской собственности стали отдельными фондами, меньшими по объёму, чем прежние составные фиска, но более удобными в управлении: «божественные дома», «священный патримоний», «тезавры». Обозначавшие их термины приобрели смысловое постоянство и форменную определённость приблизительно в период правления Тиберия Константина, а в правление Маврикия сформировались окончательно. Частноправовой принцип в фискальной политике стал преобладающим. Таким образом, период

правления Маврикия был ознаменован завершением – в основных чертах – фискальной реформы, развивавшейся в течение нескольких десятилетий.

В ***§3 «Баланс дополнительных расходов и доходов»*** отмечается, что во второй половине 70-х – начале 80-х гг. VI в. дополнительные расходы Византии превышали размер получаемых различными финансовыми фондами доходов, следствием чего явилось истощение накопленных при Юстине II казённых резервов ещё до начала самостоятельного правления Маврикия, и, следовательно, он приступил к управлению государством с минимальным запасом наличных финансовых средств.

В **разделе 1** параграфа рассматривается **перечень дополнительных расходов в правление Маврикия**. Упоминаемые в нарративных источниках виды расходов весьма точно характеризуют специфику его финансовой политики. Детальное их рассмотрение приводит к убеждению, что они занимали в деятельности Маврикия заметное место. Важно подчеркнуть при этом, что совокупный дополнительный расход Византии при Маврикии не представлял угрозы устойчивости имперской финансовой системы.

Расходы на устроение празднеств. Маврикий возвёл в ранг государственных событий и, соответственно, торжественно отметил не только собственное консульство, но и бракосочетание, а также все важные события в жизни старшего сына: рождение, возведение в ранг кесаря и августа, свадьбу. По-видимому, сумма истраченных при этом денег не была большой: имея недостаток средств на многих важнейших направлениях политики, Маврикий, тем не менее, позволял себе отвлекать их в сферу частной жизни, не вызывая нареканий от современников.

Расходы в связи с пожарами и землетрясениями. Источники периода правления Маврикия отметили вызванные этими бедствиями разрушения в важнейших городах империи. Данные о действиях правительства в отношении пострадавших городов красноречиво показывают равнодушие василевса к античной традиции полисного эвергетизма. Здесь Маврикий при сравнении с предшественниками вновь ближе всего к Анастасию; их уравнивает учёт государственного интереса в ущерб общественному.

Строительные расходы. Перечень построек Маврикия традиционен для поздней античности; он не внёс в него новшеств, вследствие чего направляющим началом его строительной деятельности можно назвать не специально разработанную программу, а дань традиции. Известный размах строительству Маврикия сообщают: благоустройство родного ему Арависса

и Антиохии, а также – в Константинополе – окончание долгостроя прежних времён. Но, по сравнению с обширным строительством при Анастасии I или Юстиниане I, деятельность Маврикия кажется слабой попыткой соответствовать имиджу благочестивого правителя, который заботится о православной вере и о своих богобоязненных подданных.

Дипломатические расходы. Этот вид дополнительных расходов также сохранил при Маврикии структуру, сложившуюся в течение VI в.: субсидии отдельным племенам, обмен дарами и посольствами с рядом государств и племенных объединений Запада и Востока. Изменились лишь некоторые детали: количество и список получателей платежей и размер субсидий. Император продолжал практику, которую, тем не менее, проводил, сообразуясь с конкретными обстоятельствами своего времени и с собственными представлениями о правильном поведении в отношении союзников и врагов Византии. Главное событие всей дипломатии Маврикия – мирный договор 591 г. с Ираном, позволивший изрядно сократить дополнительные расходы на войну.

Варварские вторжения. Материал этого подраздела был поделён не по этническому, а по географическому признаку – направлениям рейдов. В *Балканском регионе* можно говорить о шести или семи крупных вторжениях, в которых принимали участие авары, славяне или булгары: в 583, 584, 587, 589, 596 и 599—600 гг. Источники упоминают более двадцати захваченных городов и крепостей, что характеризует как географию разорения, так и его финансово-экономические последствия. По-видимому, действительно разорительных набегов из-за Дуная можно насчитать не более четырёх за весь период правления Маврикия; это аваро-славянские прорывы вглубь Фракии и Иллирии в 584, 587, 597 гг. и, возможно, в 600 г. *Восточный регион* выглядит на редкость спокойным по сравнению не только с Балканами при Маврикии, но и с временами Анастасия и Юстиниана. Причиной тому были политические перемены внутри крупнейших в прошлом противников Ранневизантийского государства, а также изменение международной обстановки в регионе от Каспийского моря до Персидского залива; Византия, можно сказать, получила на Востоке в правление императора Маврикия передышку продолжительностью в треть столетия.

В целом, правительство Маврикия находилось в выигрышной ситуации по сравнению с недавними временами, не теряя средств из-за вторжений варваров.

Потери от войн. Дополнительные затраты здесь вполне сопоставимы с аналогичными расходами других ранневизантийских императоров. Главная расходная статья в военном бюджете – экспедиции – выполнялась Маврикием в точном соответствии с образцами VI в., прошедшими апробацию при Анастасии I, но полностью сформировавшимися благодаря деятельности Юстиниана I. Походные группировки в эпоху императора Маврикия отличались от прежних незначительно: во-первых, они были меньшими по числу участников-воинов (в основном, из-за отказа от привлечения крупных сил симмахов) и, во-вторых, страдали от недисциплинированности личного состава (из-за невысокого авторитета в войсках командующих и самого императора). Эти отличия не увеличивали военное финансирование; стало быть, Маврикию удалось избежать экстраординарных военных расходов, несмотря на немалое количество операций, в которых были задействованы византийские войска.

Финансовые последствия мятежей и социальных волнений. Время правления Маврикия было на редкость спокойным, несмотря на то, что перед ним поочерёдно вставали угрозы антиправительственных выступлений почти всех разновидностей, известных поздней античности: военного мятежа, волнений в столице, центробежного движения на периферии империи, узурпации; знавало оно и волнения на религиозной почве. Однако подавляющее большинство этих конфликтов не имело масштабности и, следовательно, не отразилось серьёзным образом на экономике страны и финансовой политике императора.

Пристального внимания заслуживают всего два события: *мятеж в войсках* в 588—589 гг. и *антивизантийские выступления в Армении* (восстание Симбата Багратуни) в конце 80-х или начале 90-х гг. В итоге, финансовый ущерб от разнообразных волнений оценивается цифрой приблизительно в тысячу условных фунтов золота, которая кажется смешной при сравнении её с аналогичными потерями некоторых прежних императоров, начиная с Анастасия I.

Раздел 2 «Извлечение дополнительного дохода». Из-за незначительности дополнительных и экстраординарных расходов император Маврикий не прибегал к широкому применению известных из истории методов экстренного пополнения казны. В этом он тоже близок Анастасию I, который пользовался ими крайне редко.

Раздел 3 «Мероприятия по сокращению объёма регулярных расходов». Один известный нам пример экономии финансовых средств в правление Маврикия – мероприятия с *военной анноной* – ещё раз показывает, что он проводил продуманную политику по сокращению неоправданных необходимостью государственных расходов. Действия Маврикия в конце VI в., как и соответствующие реформы Анастасия I в конце V в., не носили универсального характера, который позволил бы извлекать пользу абсолютно отовсюду. Они являлись рекомендациями для определённой местности и наличных обстоятельств, обнаруживая универсальность только в применённом при их разработке методологическом подходе. Меры по экономии ресурсов, возможно, не принесли казне Маврикия значительной прибыли, но повлияли на финансовый итог периода его правления (его анализу посвящён ***§4 «Итоги финансовой политики Маврикия»***), который выразился в наполненной императорской и государственной казне.

В ***§5 «Резюме»***, как обычно, подводятся краткие итоги исследования, проведённого в пределах главы.

В **Заключении** суммируются выводы по всем главам работы и даются ответы на вопросы, поставленные во вводной части диссертации. Как показала проделанная работа, обновлённые методы исследования финансов Ранней Византии, ориентированные на вновь сформулированную тему – финансовая политика императоров, взятых по-отдельности, – способствуют получению весомых научных достижений. Суть предложенной нами методики состоит, в самом общем виде, в выделении объекта изучения – финансовой политики – из хронологически и тематически невыраженной «финансовой» проблематики на основе научной дефиниции, данной названному предмету экономической теорией. Вслед за понятием «финансовой политики», новую концепцию дополнили категории «бюджета» и «теории налогов». Тем самым, имперская финансовая политика перестала быть набором известных из источников мероприятий по извлечению средств для спонтанно осуществляемых затей, и превратилась в сложно организованный комплекс необходимых и обязательных затрат из государственных и императорских фондов, восполняемых по мере надобности при посредстве доходов, список которых, как и перечень большинства расходных статей, определялся позднеантичной государственной теорией.

Многое в этой бюджетной системе подчинялось жёстким правилам, выработанным поколениями предшественников и утверждённым временем, однако и субъективный фактор играл в ней немаловажную, а подчас главенствующую роль. Под ним понимается личность субъекта политического действия, влиявшая на отбор статей из известного списка доходов и расходов и на их объём, одушевляя, иначе говоря, финансовый механизм империи. Схематически финансовая политика в Ранней Византии осуществлялась так. Сначала администрация производила расходы, которые были дополнительными по отношению к обычным, «традиционным» и «плановым» расходам государства. Список и величина дополнительных расходов определялись активностью правительства во внешней и внутренней политике, а также размером имеющегося в казне финансового резерва. Исчерпанность казённых накоплений или их изначальное отсутствие заставляли императора сокращать дополнительные расходы или вести поиск дополнительных доходов, источники которых также были давно изведаны. Настойчивость верховной власти в достижении поставленных перед собой задач военного, дипломатического, религиозного и административного характера стимулировала проведение финансовых мер, имевших целью такое извлечение дополнительных средств, которое не истощало бы налогооблагаемую базу и не приводило к социально-политической напряжённости в стране, то есть в определённой мере соответствовало бы известным принципам так называемой «теории налогов».

Позднеантичной теории финансовой политики были известны и экстраординарные расходы и доходы. Экстраординарную суть дополнительным казённым затратам сообщали две вещи: во-первых, невозможность покрыть ожидаемые дополнительные расходы из привлечённых дополнительно к регулярным источников дохода, и, во-вторых, неожиданно возникшая потребность в финансировании «внеплановых» мероприятий. Каждый из двух случаев требовал привлечения экстраординарных средств. Наличие подобных финансовых потребностей вело к формированию экстраординарного бюджета, что предполагало разработку новых принципов финансового поведения верховной власти и активизировало весь финансовый процесс.

Для имперских правительств VI в. образцом финансовой деятельности служила политика Анастасия I. Однако она не была всецело довлеющим фактором, и каждый из василевсов рассмотренной эпохи действовал в

финансовой сфере в соответствии с собственными способностями и представлениями об обязательном, необходимом и достаточном. Выяснилось, что императоры VI в. владели методикой избегания финансовых кризисов, так пугающих наших современников. Более того, благодаря своей простоте ранневизантийские антикризисные подходы вполне применимы и в настоящее время: рациональное использование опыта прошлых поколений способно обеспечить бескризисное развитие любой отрасли человеческой деятельности в любую историческую эпоху.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

а) *Монографии и издания переводов источников*

1. *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I) / В.В. Серов. – Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 208 с. (12,1 п.л.)

2. *Серов В.В.* Законодательные памятники административной и финансовой политики Ранней Византии. Часть I: период 364—491 гг. / Перевод, комментарий и примечания В.В. Серова. – Барнаул: Издательство «Аз Бука», 2004. – 544 с. (22,3 п.л.).

б) *Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований*

3. *Серов В.В.* Общественные представления о правильной финансовой политике в ранней Византии / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 63(88). – 2004. – С. 31—58 (2 п.л.).

4. *Серов В.В.* К проблеме формирования столичного статуса Константинополя / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 65(90). – 2006. – С. 37—59 (1,5 п.л.).

5. *Серов В.В.* Ранневизантийские эдикты к народу / В.В. Серов // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. – Серия история, политология, экономика. – 2007. – №8. Вып. 4. – С. 15—21 (0,5 п.л.).

6. *Серов В.В.* / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 66(91). – 2007. – С. 262—267. – Рец. на кн: Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l’Empire protobyzantin / A. Laniado. – Paris: ACHCByz, 2002 (=Travaux et memoires du Centre de recherché d’histoire et civilization de Byzance. Monographies. 13). – XXXI+296 p. (0,6 п.л.).

7. *Серов В.В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконкисты / В.В. Серов // Известия Алтайского государственного университета. – Серия история, политология. – 2008. – №4/3. – С. 236—240 (0,5 п.л.).
8. *Серов В.В.* / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 67 (92). – 2008. – С. 263—268. – Рец. на кн.: Избранные новеллы Юстиниана / Вводная статья, перевод и комментарий В.А. Сметанина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – 340 с. (0,6 п.л.).
9. *Серов В.В.* Расходы Юстиниана I на строительство военных объектов в восточных областях Византии / В.В. Серов // Известия Алтайского государственного университета. – Серия история, политология. – 2008. – №4/5. – С. 177—181 (0,4 п.л.).
10. *Серов В.В.* Антивандальская экспедиция Велизария: финансовый аспект / В.В. Серов // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. – Серия история, политология, экономика. Информатика. – 2009. – №7 (62). – Вып. 10. – С. 33—37 (0,6 п.л.).
11. *Серов В.В.* Отношение византийских императоров VI в. к Константинополю: к опыту изучения столичных эпитетов / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 68. – 2009. – С. 48—58 (0,7 п.л.)
12. *Серов В.В.* Ранневизантийская дипломатия в 60-е – 70-е гг. VI в. / В.В. Серов // Известия Алтайского государственного университета. – Серия история, политология. – 2009. – №4/1 (64). – С. 195—201 (0,5 п.л.).

в) *Статьи в сборниках научных трудов*

13. *Серов В.В.* «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) / В.В. Серов // Идеология и политика в античной и средневековой истории: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 1995. – С. 56—83 (1,2 п.л.).
14. *Серов В.В.* «Преторский» фоллис и налоговая политика Констанция II / В.В. Серов // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 1996. – С. 13—20 (0,4 п.л.).
15. *Серов В.В.* Адэрация анноны в финансовой политике Анастасия I и хрисотелия югов / В.В. Серов // Исследования по всеобщей истории и

международным отношениям: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 1997. – С. 60—71 (0,7 п.л.).
16. *Серов В.В.* Развитие системы управления императорским фиском в III—VI вв. / В.В. Серов // Античная древность и средние века. – 1998. – Вып. 29. – С. 165—175 (0,6 п.л.).
17. *Серов В.В.* Эволюция процедуры сбора налогов в ранней Византии в конце III – начале VI вв. / В.В. Серов // Античная древность и средние века. – 1999. – Вып. 30. – С. 38—50 (0,7 п.л.).
18. *Серов В.В.* Административная политика ранней Византии. I: Антикоррупционные меры / В.В. Серов // Античная древность и средние века. – 2000. – Вып. 31. – С. 31—44 (0,7 п.л.).
19. *Серов В.В.* Персидские войны Юстиниана I: финансовый аспект / В.В. Серов // Востоковедные исследования на Алтае: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2000. – Вып. 2. – С. 29—44 (0,8 п.л.).
20. *Серов В.В.* К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект / В.В. Серов // Византийский Временник. – Т. 60 (85). – 2001. – С. 46—55 (0,8 п.л.).
21. *Серов В.В.* Периодизация финансовой политики императора Юстиниана I / В.В. Серов // Античная древность и средние века. – 2001. – Вып. 32. – С. 52—62 (0,6 п.л.).
22. *Серов В.В.* Forov по данным ранневизантийских источников / В.В. Серов // Античная древность и средние века. – 2002. – Вып. 33. – С. 40—47 (0,4 п.л.).
23. *Серов В.В.* К вопросу о *crimen maiestatis* в IV в.: «дело нотария Феодора» / В.В. Серов // Власть, политика, право в античности и средневековье: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2003. – С. 45—58 (0,7 п.л.).
24. *Серов В.В.* К образу правителя в ранневизантийских источниках: оценка едой / В.В. Серов // Власть, политика и идеология в истории Европы: сборник статей / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2005. – С. 102—114 (0,4 п.л.).
25. *Серов В.В.* К проблеме налогообложения в период поздней античности: участие военных в сборе налогов в IV в. / В.В. Серов, Е.П. Глушанин // Античная древность и средние века. – 2006. – Вып. 37. – С. 32—58 (авторский вклад – 1 п.л.).

26. *Серов В.В.* К вопросу о причинах и обстоятельствах византийского завоевания Испании в VI в. / В.В. Серов // Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е.П. Глушанина / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2007. – С. 44—54 (0,5 п.л.).

г) ***Тезисы докладов на конференциях***

27. *Серов В.В.* «Наследство» императора Анастасия и государственный доход в Византии в VI веке н.э. // Новые подходы в изучении и преподавании всеобщей истории в высшей школе. Всероссийская научная конференция. Барнаул, октябрь 1993 г.: тезисы докладов / Барнаульский государственный педагогический университет. – Барнаул, 1993. – С. 80—83 (0,15 п.л.).

28. *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского государства – неисследованная тема в отечественной исторической науке / В.В. Серов // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Всероссийская научно-методическая конференция, ноябрь 1994 г.: тезисы выступлений / Томский государственный университет. – Томск, 1994. – С. 92—93 (0,1 п.л.).

29. *Серов В.В.* Конфискация как источник доходов Юстиниана Великого: (по данным «Тайной истории») / В.В. Серов // Античный и средневековый город: материалы VII Сюзюмовских чтений / Уральский государственный университет. – Екатеринбург; Севастополь, 1994. – С. 25—27 (0,12 п.л.).

30. *Серов В.В.* Особенности финансовой политики Анастасия I / В.В. Серов // Монархия и её роль в истории. Научная конференция, октябрь 1994 г.: тезисы докладов / Омский государственный университет. – Омск, 1995. – С. 3—5 (0,15 п.л.).

31. *Серов В.В.* Фискальная политика как средство усиления власти императора в I—III вв. / В.В. Серов // Социальные институты в истории. Научная конференция, ноябрь 1996 г.: тезисы выступлений / Омский государственный университет. – Омск, 1996. – С. 17—19 (0,1 п.л.).

32. *Серов В.В.* «Теория налогов» в Византии в работах М.Я. Сюзюмова / В.В. Серов // Византия: кумуляция и трансляция культур. IX Сюзюмовские чтения 24—27 августа 1997 г.: тезисы докладов / Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 1997. – С. 46—48 (0,1 п.л.).

33. *Серов В.В.* Тема финансовой политики ранней Византии в современной историографии / В.В. Серов // История Византии и византийская археология. X Сюзюмовские чтения 25—27 марта 1998 г.: тезисы докладов / Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 1998. – С. 13—15 (0,15 п.л.).
34. *Серов В.В.* Теория налогов в ранней Византии / В.В. Серов // Византийское государство в IV—XV вв. Центр и периферия. XV Всероссийская научная сессия византинистов 29 мая – 2 июня 1998 г. / Алтайский государственный университет. – Барнаул, 1998. – С. 9—14 (0,3 п.л.).
35. *Серов В.В.* Положение курий в финансовой системе ранней Византии / В.В. Серов // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Научная конференция. Омск, ноябрь 2000 г.: тезисы докладов / Омский государственный университет. Омск, 2000. – С. 104—106 (0,1 п.л.).
36. *Серов В.В.* К вопросу о монетной реформе Юстиниана I / В.В. Серов // Средневековое общество: социально-политический и культурный аспекты. XX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых учёных. Санкт-Петербург, 27 ноября – 1 декабря 2000 года: тезисы докладов / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2001. – С. 6—7 (0,1 п.л.).
37. *Serov V.* Principles of Justinian's financial policy / В.В. Серов // XXe Congrès International des études byzantines. Collège de France – Sorbonne, 19—25 Août 2001: pré-actes / Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. – Paris, 2001. – P. 177 (0,05 п.л.).
38. *Серов В.В.* Иудеи в ранневизантийской империи (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) / В.В. Серов // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. IV Международная Крымская конференция 21—24 мая 2002 г.: тезисы докладов / Музей «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2002. – С. 36 (0,05 п.л.).
39. *Серов В.В.* Об официальных эпитетах ранневизантийского Константинополя / В.В. Серов // Историческая роль Константинополя (В память о 550-летии падения Византийской столицы). XVI Всероссийская научная сессия византинистов. Москва, 29—30 мая 2003 г.: тезисы выступлений / Институт всеобщей истории РАН. – М., 2003. – С. 99—101 (0,2 п.л.).

40. *Серов В.В.* Монетная реформа Анастасия I и Херсонес Таврический / В.В. Серов // XI Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14—18 апреля 2003 г.: тезисы докладов и сообщений / Государственный Эрмитаж. – СПб., 2003. – С. 46—48 (0,2 п.л.).
41. *Серов В.В.* Характер политических (нерелигиозных) взаимоотношений Византии и стран Западной Европы до 1054 г. / В.В. Серов // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). XVII Всероссийская научная сессия византинистов. Москва, 26—27 мая 2004 г.: тезисы докладов / Институт всеобщей истории РАН. – М., 2004. – С. 154—155 (0,15 п.л.).
42. *Серов В.В.* О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» / В.В. Серов // Россия–Крым–Балканы: Диалог культур. Международная научная конференция. Севастополь, 6—10 сентября 2004 г.: тезисы докладов / Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2004. – С. 39—40 (0,1 п.л.).
43. *Серов В.В.* Юридический статус союзных Византии арабов в VI в. / В.В. Серов // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. XVIII Всероссийская научная сессия византинистов. Москва, 20—21 октября 2008 г.: тезисы сообщений. – М., 2008. – С. 111—113 (0,15 п.л.).